

Хирург возвращается

Автор:

Дмитрий Правдин

Хирург возвращается

Дмитрий Правдин

Приемный покой

Перед вами книга от одного из лучших авторов серии «Приемный покой» Дмитрия Правдина, питерского хирурга, который частенько уезжает работать в маленькие сельские больницы.

Байки в духе черного юмора, которые так популярны в наше время – это ужасная, смешная и очень-очень знакомая действительность. Хирург Правдин с иронией относится и к себе, и к своим любимым пациентам.

Дмитрий Правдин

Хирург возвращается

Глава 1

Мое последнее перед отпуском дежурство входит в завершающую фазу. У меня в запасе почти три часа. Когда маленькая часовая стрелка на циферблате упрется в цифру 9, де-юре наступит конец смены, а дальше – все как обычно, по плану будничного дня: хирургическая конференция, доклады, обсуждение поступивших больных и выполненных операций. Затем обход в реанимации с участием корифеев и обсуждение тяжелых больных нашего отделения, которых

я, как ответственный хирург, наблюдал в вечернее и ночное время.

Стрелка часов тем временем может добежать и до 10, и до 11... но что делать? Хирург обязан прийти на работу вовремя, а уйти – как получится. А старший хирург бригады, с его-то многочисленными докладами и обходами, даже если нет затянувшейся операции, всегда задерживается на час, а то и больше.

Иду по пустынному коридору приемного покоя, гулко меряя шагами пространство первого этажа – никого нет. А ведь каких-то пару часов назад здесь бурлила жизнь: десятки страждущих вместе с сопровождающими томилась в коридоре в надежде на медицинскую помощь. При этом добрая половина из них была в алкогольном и наркотическом опьянении разной степени, которое сопровождалось немотивированной агрессией по отношению к замордованному медперсоналу: «Мы уже тут пять минут сидим, а земля вокруг нас до сих пор отчего-то не вращается!»

Треть посетителей, если им верить, невыносимо тяжело болела уже недели, месяцы, годы... но именно сегодня в полночь им стало значительно хуже, и они вызвали «скорую помощь» – нисколько не задумываясь, что для таких, как они, существуют поликлиники. «А вы знаете, как тяжело попасть на амбулаторный прием?» – негодуют эти пациенты, когда пытаешься выяснить, что помешало им обратиться в районную поликлинику днем. Зачем утруждать-то себя? Набрал «03», и дело с концом! А уж если позвонить в полночь, да нагнать ужасов по телефону, то отвезут в больницу как миленькие! Врачи «скорой помощи» настолько запуганы разными жалобами, что везут всех подряд. А если все же не повезли, есть платная «неотложка», эти отвезут при любом раскладе.

Далеко ходить не нужно. Не далее как на позапрошлом дежурстве привезли одинокую склочную женщину, страдающую затяжными запорами. Она прошла все основные государственные медучреждения Питера. И здесь ее обследовали с ног до головы и ничего криминального не нашли. Ей бы сходить в поликлинику, записаться на прием к грамотному гастроэнтерологу, подобрать качественное слабительное, пить его да радоваться восходу солнца. Но нет, она повадилась вызывать «скорую», причем в пять утра, и, потрясая своими многочисленными выписками (где, кстати, ничего слишком тревожного не записано), требовала отвезти ее в больницу. Те, естественно, ни в какую: пейте, тетя, гуталакс и не майтесь дурью. Тетя решила добиться своего не мытьем так катаньем: заказала себе платную «неотложку», а у них, между прочим, вызов денег стоит, и немалых. Удовольствие прокатиться от своего дома до нашего приемного покоя

ей обошлось в шесть тысяч целковых, а ехать пришлось – аж полтора километра. Как и ожидалось, ничего эдакого мы у нее не нашли. Сделали клизму, и кишечник с благодарностью откликнулся, чего не скажешь о его хозяйке: та подняла хай и потребовала немедленной госпитализации, причем в лучшую палату.

– Запор ликвидирован? – как можно любезней, для семи-то утра, справляюсь я у скандалистки.

– Да, но меня надо лечить! Я требую немедленной госпитализации! – рычит дама.

– Вы не нуждаетесь в хирургическом лечении. Обратитесь в поликлинику, и пусть вам районный гастроэнтеролог подберет эффективное слабительное. Нахождение в экстренном хирургическом стационаре вам не показано, – фальшиво улыбаюсь я, чувствуя, что моему терпению скоро наступит конец.

– Много вы понимаете! Где у вас старший хирург?

– Я и есть старший хирург, не надо так кричать! Вождь китайского народа товарищ Мао Цзэдун, как известно, тоже страдал запорами, однако это не помешало ему стать лидером с мировым именем.

– Это вы на что намекаете? – тетя даже перестала орать.

– А к тому, что если б он зациклился на своем запоре, то вряд ли бы стал тем, кем стал. И дожил, между прочим, до глубокой старости.

Как ни странно, этот исторический пример возымел свое действие, она успокоилась. Посидела минут пять на стуле, а после попросила отвезти ее домой. Отвечаю:

– Я бы с удовольствием, но пока смену не сдам, не могу. Если уйду сейчас с работы – меня ругать станут.

– Да я и не предлагаю вам на своей машине везти, вызовите служебную.

- Ну, до служебной я еще не дорос.

- Что вы ерничаете? Есть же у вас «скорая»?

- Нет, - начинаю понемногу выходить из себя. - Вызывайте такси!

Дальнейший разговор становится пустым, я отдаю ей в руки справку и, не прощаясь, иду по своим хирургическим делам. Вслед мне несется злобное шипение и омерзительные проклятия. Вот и съездила: за шесть тысяч клизму поставить.

Действительно больных людей, нуждающихся в неотложной помощи, как ни странно, меньшинство, а тех, которым нужен хирург, - и того меньше. И так каждую ночь, и каждый день, круглый год, без выходных и праздников.

Сегодня публика, похоже, уже уgomонилась и теперь накапливает силы, чтобы с утра снова «доставать» врачей.

Удивляюсь обилию мусора на полу: фантики от дорогих конфет, окурки, грязные обрывки кровавых бинтов, засохшие крупные капли крови, следы рвоты, три женских заколки, причем все с приличными пучками волос, две гипсовые лонгеты, шелуха от семечек и... Фу! Мой взгляд уперся в кучу человеческого кала прямо напротив лифта. Какая мерзость! Туалет же вот он, рядом! Скорее всего, автор этой «мины» - пьяный или обдолбанный ублюдок. Взял и подгадил нам в прямом смысле слова.

В тысячекоечной больнице, оказывающей экстренную помощь второму по численности населения мегаполису страны, - огромные проблемы с младшим медицинским персоналом. Никто не хочет идти драить по ночам полы за сущие копейки. Весь мусор будет ждать понедельника. Разве что кто-нибудь из особо сердобольных медсестер не выдержит и задвинет ногой в дальний угол, чтоб глаза не мозолил.

Мои размышления на злободневную тему прерывает грохочущая по пустынному коридору обшарпанная каталка. На ней матерящимся пригорком возвышается окровавленный человек. Рядом быстро шагает наш молодой хирург Альберт Тонин, с боков семят два «скорика» в одинаковых синих комбинезонах и пара полицейских сержантов с укороченными «калашами» на плечах, пытаются

держаться рядом, стараясь не выпускать из вида ругающего кого-то там раненого.

– Дмитрий Андреевич, – уже издали кричит Альберт, – ножевое в живот! Разрешите мне им заняться?

– Валяй! – даю добро после беглого осмотра пациента, тут же, в коридоре.

Мужчине немного за сорок, он изнурен нарзаном и неволей, но еще довольно крепок. Сломанные ушные раковины подсказывают мне, что их владелец – бывший борец. Из рта – сшибающий с ног запах алкоголя. Пропитанная кровью футболка плохо прикрывает зияющую рану в левом подреберье. Раненый стонет, отдергивает мою руку при пальпации, его живот напряжен. Без сомнения, проникающее колото-резаное ранение брюшной полости с внутренним кровотечением. Надо срочно оперировать.

– Возьми в помощь наших интернов Игоря и Гришу! – бросаю Альберту.

Он хоть и молодой доктор, но уже кандидат наук и хочет стать маститым хирургом. Не стану ему препятствовать. Случай не сложный, пусть оперирует. А мне еще предстоит осмотреть всех поступивших и прооперированных за суточное дежурство пациентов и сделать записи в историях болезней. Успеть бы до конца смены!

– Нож длинный был? – интересуюсь напоследок у борца.

– Вот такой длины, док! – раненый разводит в разные стороны кисти рук, скованные наручниками, и демонстрирует в улыбке рандолевые зубы с въевшейся от чифиря чернотой.

– Да, только три месяца как с зоны откинулся! – комментирует один из автоматчиков, перехватив мой взгляд, задержавшийся на изготовленных лагерными умельцами зубах. – Восемнадцать лет отсидел за рэкет – еще в лихие девяностые посадили, только освободился, и опять за свое. Бухает с тех пор, как вышел из заключения. Попытка «наехать» на каких-то кавказцев, торгующих на рынке, да не на тех, похоже, нарвался. Они его же ножом его и пырнули, нас вызвали и заяву накатали.

– Все путем, командир! – не снимая с лица улыбку, стонет несостоявшийся рэкетир и проезжает мимо меня в операционную.

– Опять посадят? – интересуюсь напоследок у полицейских.

– Скорее всего, да! – кивает разговорчивый сержант и, поправив сползающий с плеча автомат, ускоряет шаг.

– Нда-а, дела! – говорю сам себе. – Не смог перестроиться мужик, так и остался там, в девяностых.

Это уже не первый случай. К нам не часто, но доставляют представителей «братвы» прошлых лет. «Отмотав» приличный срок, они опять сбиваются в стаи, пытаюсь отвоевать свое место под солнцем. Но правила игры давно изменились. Нынче предприниматели стали другими. И везут бедолаг то с огнестрельными, то с ножевыми ранениями, полученными в попытках наверстать упущенные годы...

Этот борец, судя по сопроводительному талону «скорой помощи», мой ровесник. Мы с ним в одно и то же время ходили в советский садик, учились в советской школе, служили в советской армии. Грянула перестройка, и наши пути разошлись.

– Хирурга! Срочно! – кто-то истошно орет из хирургической смотровой. Голос возвращает меня в реальность: сейчас начало седьмого утра, а в нашей смотровой нет ни одного дежурного врача. Я сам же послал сидевшего там с интернами Альберта в операционную. Чертыхаюсь про себя, но бегу на голос – больше никого из наших поблизости нет.

– Дмитрий Андреевич, – говорит заспанный медбрат Федя, – «скорики» привезли девушку пьяненькую, сбросили на нашу каталку и тут же испарились. Держите «сопроводок», – он протягивает мне серый бумажный прямоугольник документа, где скачущими крупными буквами выведен диагноз направившего учреждения: «Острый хирургический живот».

– Что с вами произошло? – стараюсь говорить мягко, обращаюсь к пациентке лет двадцати пяти с приятным лицом.

– Ж-ж-живот болит, – с трудом ворочая языком, выговаривает дама. От нее за версту несет свежесвыпитым дешевым алкоголем.

– А зачем пила в таком случае?

– Так болит же ж-ж-живот? – удивляется больная, пытаюсь сфокусировать на мне взгляд изрядно осоловевших глаз. – Хряпнула портвешка, ч-ч-ч-тоб не так ныло.

– Чудненько, – не торопясь, стягиваю с нее теплое домашнее одеяло.

– А сколько времени уже болит? – Получить ответ я не успеваю, потому что с каталки на пол разливается мутная жидкость.

– От же зараза! – причитает сзади меня Федор. – Обмочилась! Ты что, сказать не могла, что в туалет хочешь? Кто теперь убирать твою мочу станет? Я?

– Федя, это, кажется, не моча! – Я сдергиваю с пьяницы одеяло.

– А что? – живо интересуется медбрат, уставившись на ее промежность.

Мы несколько секунд недоуменно смотрим на женские гениталии под задравшейся ночной рубашкой. Я первым прихожу в себя:

– Федя, давай мухой ее к гинекологам! Деваха-то рожает! – Благо, гинекологическая смотровая рядом и врач-гинеколог на месте.

Роды проходят так стремительно, что новорожденная девочка появляется на свет прямо на каталке. Роженицу даже не успевают переложить на специальное кресло. К счастью, ребенок не пострадал. Не знаю, что стало дальше с беспутной мамашкой: возникли какие-то проблемы с отхождением последа, и ее в экстренном порядке повезли в гинекологическое отделение. Ребеночка завернули в пеленку и отнесли в реанимацию.

Через десять минут только липкая лужа крови на полу гинекологической смотровой напоминает о том, что тут сейчас зародилась новая жизнь. Потом рассказывали, что девица отказалась от ребенка, и его передали в Дом малютки. Может, и к лучшему – эта бестолковая до самого отхождения вод не знала, что

беременна. По крайней мере, так она заявила гинекологам.

Спешно покидаю приемник и отправляюсь в реанимацию, осмотреть наших больных. Время уже поджидает, а еще нужно заглянуть в операционную, узнать, как обстоят дела у Альберта.

– Как обстановка? – интересуюсь с порога в операционной, раздвинув замерших у входа автоматчиков, которые с интересом наблюдают за происходящим внутри. – Альберт, в чем заминка? Я думал, вы уже кожу зашиваете!

– Только начали, Дмитрий Андреевич! – безрадостно докладывает оператор.

– Почти час прошел, как вы пострадавшего сюда завезли. Что делали все это время? – я начинаю понемногу сердиться.

– Так мы только что закончили делать лапароскопию, – оправдывается молодой доктор.

– Альберт, скажи, пожалуйста, за каким чертом ты ее выполнял?

– Дмитрий Андреевич, не ругайтесь, но по статистике четверть всех лапаротомий по поводу проникающих ранений живота выполняются напрасно. Вы же знаете, бывает, что дырка в животе есть, а внутренние органы не повреждены. Получается, зря разрезали человека. Вот я и решил убедиться, что затеваем операцию не напрасно.

– Убедился?

– Да, там кровь в животе! Много, поэтому делаем открытую операцию.

– Молодец!

Стискиваю зубы и кое-как беру себя в руки. Орать при всех на подчиненного по меньшей мере неэтично, а на оперирующего хирурга – преступно. Выскажешь ему все, что думаешь по этому поводу, а у него, не дай бог, руки затрясутся, и пойдет операция сикось-накось, а пострадает ни в чем не повинный пациент.

А сказать есть что: наличие крови в животе было очевидно еще в приемном покое. Напряженный живот – визитная карточка катастрофы в брюшной полости. При продолжающемся кровотечении цель операции – в его остановке. А Альберт потратил время на бессмысленную в данной ситуации лапароскопию. Пока собирали аппаратуру, пока вызывали лапароскопистов, у раненого почти вся кровь в живот излилась. Хорошо, что живой остался.

Не бывает напрасных операций. Я придерживаюсь принципа: «лучше рубец на пузе, чем крест на могиле»! При осмотре живота через специальную трубку, подключенную к телевизору – лапароскопу, удастся осмотреть в лучшем случае 60–70 процентов органов, и то только тех, что на поверхности. А те, что расположены в глубине живота, могут и не проявить себя в первые часы после травмы. Да, если обнаружена кровь и содержимое кишечника, то ранение считается бесспорным. Но встречаются и такие травмы, что даже на открытой операции не сразу распознаешь, что задето. Поэтому лучше смотреть руками, чем глазом.

Все это я высказал потускневшему Альберту после, наедине, когда и сам успокоился. Все мы ошибаемся, и нужно корректно об этом разговаривать. Я тоже не без греха.

На часах почти восемь, а мне еще надо успеть заскочить в соседний корпус: в лор-отделение, куда ночью госпитализировали нашего больного с острым панкреатитом. Сколько уже работаю, а так и не привык к этой дурацкой системе: класть больного туда, где есть свободные места. Нет коек в хирургии – больной пойдет в другое отделение, пока не освободится профильная койка. А вот хирург к нему не набегается, в лучшем случае раз в день посмотрит, в силу чрезвычайной занятости.

В нашей больнице принимают всех, даже если нет свободных мест: кладут пациентов на приставные топчаны, кушетки, иногда прямо на пол, подстелив матрас без простыни.

Однажды зимой, когда был нескончаемый наплыв разного рода больных, прооперировали мы под утро одного зачуханного бомжика с ранением печени. Он тихо-мирно спал, свернувшись калачиком, возле батареи в чужой парадной, а его кто-то саданул чем-то острым в правый бок. Жизнь мы ему спасли: человек не собака, имеет право на квалифицированную медицинскую помощь, даже если не имеет собственного дома. Но вот незадача: в больнице не осталось ни одного

места. Совсем не осталось, хоть ты тресни! На 1200 коек уже госпитализировали почти 1400 пациентов, заняв все топчаны и кушетки. Не оставлять же бедолагу на операционном столе? Мы нашли в подсобке ветхий, полуистлевший матрас, кинули на пол в коридоре возле батареи, а сверху бережно уложили страдальца, прикрыв старым, протертым до дыр халатом.

– Это что такое? – На утреннем обходе наш куратор, известный на всю страну профессор хирургии, грозно свел кустистые брови и сверкнул из-под толстых очков недовольным взглядом. – Почему у вас прооперированный человек лежит на голом матрасе, да еще и на холодном полу?

– А куда его прикажете девать? – отвечаем. – Нет ни свободных кроватей, ни топчанов, ни кушеток. Последний диванчик вынесли из ординаторской в пять утра и уклали на него даму с желчной коликой. Сейчас кого-нибудь выпишем домой и переведем прооперированного на койку, а пока пускай отдыхает. Рядом теплая батарея, не должен замерзнуть.

– Ай-яй-яй! – качает головой знаменитость. – Двадцать первый век на дворе, а у нас люди в Петербурге после операции на матрасе лежат!

Ясное дело, нехорошо это, больше сказать – отвратительно! А куда нам деваться? Другие больницы, если места закончились, больше ни одного пациента не возьмут, хоть нож из груди торчать будет! Нет мест, и баста! Везите куда хотите! А у нас больница резиновая. Только вы не подумайте, что так каждый день происходит. При мне всего один раз было! Пока что...

Наконец все госпитализированные больные осмотрены, утренние дневники написаны, остается полчаса. По опыту знаю, что расслабляться рано, и точно: подвозят двух больных с тяжелым шоком – автодорожная травма. Беру двух хирургов из нашей бригады и иду посмотреть пострадавших. Самому заниматься ими уже некогда, но я должен быть в курсе, что произошло и что с ними здесь сделают.

Стрелка часов показывает без четверти девять – пора на отчет к главному врачу. В конференц-зале остальные уже на своих местах, я влетаю последним. Главный врач не ругается, понимает, что не специально опоздал, что-то важное задержало. Шеф сам из хирургов, поэтому внимательно слушает, задает вопросы, причем по существу.

Все! Отчитались, нас отпускают, особых замечаний нет. Остается пережить хирургическую конференцию, которая состоится здесь же, через пятнадцать минут.

Тут мне опять повезло, если так можно выразиться. Через пять минут от начала моего доклада ведущего хирурга клинки (любителя задавать каверзные вопросы) неожиданно пригласили в операционную, к одному из наших пострадавших в автодорожке. В общем, отчет мой проходит как по-накатанному, поскольку большинству из присутствующих тоже не терпится побыстрее попасть в операционную и глянуть одним глазком на интересный случай. К десяти часам утра я полностью свободен. Дежурство сдано!

– Ну, что, отпускник, к морю едешь? – одаривает меня завистливым взглядом приятель Дима Синицын, дневной ординатор отделения. – Теплое море, пальмы, белый песок... романтика!

– Это точно, – зеваю я и принимаюсь переодеваться в «гражданку».

– Куда, если не секрет? В Египет? В Турцию? Или накопил денег на Мальдивы? – выпытывает Дима.

– К морю, – бросаю я, качаясь от усталости.

– К какому морю? – не унимается приятель. – К Красному, Желтому, Черному?

– К Белому!

– Ценю твой юмор, старик! Понимаю, не хочешь заранее говорить, чтоб не сглазить?

– Типа того!

– И это правильно. – Дима делает серьезное лицо. – Я тоже верю в приметы! Никогда не надо говорить, куда отправляешься отдыхать: обязательно что-то пойдет не так. Я вот в прошлом году с Маринкой собрался в Египет, ты же помнишь?

– Угу! – киваю я, прикидывая, не забыл ли чего. Ключи от дома в кармане, кошелек в сумке, зонтик в руках. Сегодня последний день июля, но за окном облачно и моросит мелкий дождь.

– Так вот, – продолжает приятель, – Маринка разболтала всем своим подругам и знакомым, что мы отправляемся в Египет. Представляешь?

– Суть-то в чем? – Я чувствую, что если сейчас не начну движение, то просто усну. Стоя.

– В том, что в Египте началась буза! И нам пришлось отказаться от путевок. Поехали на Азовское море. А ведь целый год мечтали о Египте, хотели пирамиды посмотреть...

– То есть ты считаешь, что если б Маринка не разболтала, то там бы не началась революция? – уже не скрывая навалившуюся зевоту, спрашиваю я.

– Не знаю, – мнется Дима, – но вот когда в позапрошлом году мы собирались в Турцию, Маринка...

– Прости, Дима, давай в другой раз доскажешь. Я просто валюсь с ног. А у меня через три часа поезд отправляется. Билет на руках, но надо еще до дома добраться, собрать вещи... Извини! Когда приеду – непременно дослушаю твой интересный рассказ.

– Ладно, я не в обиде! Понимаю, у вас сегодня непростое дежурство было! Давай, удачи! – Дима протянул мне руку. – Но по секрету, скажи, в какую степь-то едешь?

– К Белому морю! – отвечаю я другу крепким рукопожатием и спешу к выходу.

Глава 2

Я не врал Димке. Я на самом деле ехал к Белому морю, но отнюдь не отдыхать. За годы, проведенные в хирургическом стационаре крупной многопрофильной

больницы, я, как ни странно, заскучал по периферии. В свое время я проработал в районной больнице больше десяти лет и, даже сменив сельскую местность на городскую, в душе остался тем же юным авантюристом, на свой страх и риск рванувшим когда-то в глухую дальневосточную ЦРБ.

Наши учителя говорили: «смелость не должна превышать умелость». Это правильно, и в первую очередь это относится к районным врачам. Хирургия в районной больнице сопряжена с большим риском, так как приходится работать практически по всем хирургическим и смежным специальностям. Мало хорошо разбираться в хирургических дисциплинах, нужно решиться эти знания применить на практике. Уехать к черту на кулички – уже авантюра, а расширять на этих куличиках спектр хирургической помощи, не имея за спиной опытных старших товарищей, рассчитывая только на свои собственные силы – авантюра вдвойне. Но, как говорится, победителей не судят.

Работа в большом городе, в огромной клинической больнице весьма интересна и разнообразна, но... Есть все же несколько «но»! Во-первых, категорически запрещено заниматься другими разделами хирургии. Сломан палец – зови травматолога, перебит нос – покажи лор-врачу и так далее.

– Кто вам позволил самому зашить разорванное ухо? – грозно вопрошает профессор, заведующий лор-отделением.

– Так тут же ничего сложного, – я пытаюсь невинной улыбкой сгладить назревающий скандал. – Рядовой случай, в районе сколько раз это делал и нареканий не имел.

– Здесь вам не ЦРБ! – багровеет профессор. – При наличии круглосуточного дежурного стационара вы обязаны пригласить дежурного лор-врача, а не заниматься самодеятельностью! А вдруг у пострадавшего после ваших манипуляций возникнет осложнение в виде воспаления хряща?

– Не должно, – пожимаю плечами, – я же все правильно сделал.

– У вас есть сертификат по оказанию экстренной лор-патологии? Нет? Тогда и не суйтесь не в свою область!

- Простите, профессор, но дежурный лор-врач был занят в тот момент на своей операции, а больной истекал кровью, - делаю последнюю попытку оправдаться.

- Не говорите глупостей, коллега, - слегка сбавляет тон мой оппонент. - Наложили бы давящую повязку и передали нам. Вы у нас новенький, поэтому на первый раз простим, но учтите на будущее, - назидательно произносит профессор и многозначительно поднимает палец, - каждый должен заниматься своим делом!

Сколько раз я слышал эти слова. Но не прошло и трех дней, как мне приходится оперировать раненого в живот. Помимо ранения печени оказалась повреждена и правая почка. По привычке я зашиваю и ее.

- Вы чего творите, коллега? - раздается тревожный голос за спиной.

- Почку вот зашил, - спокойно так отвечаю незнакомцу.

- Вы что? У нас так не принято! Я дежурный уролог! Нужно было меня пригласить!

- Простите, вас звали, но вы долго шли!

- Надо было подождать! - настаивает на своем уролог. - Вы понимаете, что у нас это не приветствуется?

- Понимаю! Прикажете мне стоять и зажимать пальцем дырку в почке? Или все-таки попытаться ушить самому?

- Хорошо, хорошо! - примирительно говорит уролог. - Покажите хотя бы, как вы это сделали?

- Смотрите! - отодвигаю специальным крючком внутренние органы и обнажаю ушитую почку. - Нравится?

- Неплохо, неплохо! Тут вы справились, но на будущее: всегда, если что, зовите нас. Вам повезло, что сегодня я дежурю, а если б сам заведующий, то не избежать вам скандала.

- Так что я не так сделал? Все же хорошо? К чему скандал?

- Не пригласили уролога! А вдруг у больного начнутся осложнения именно со стороны почки? И он подаст на больницу в суд, а там выяснится, что почку ушивал хирург, не имеющий сертификата уролога? Как вам такой вариант? Здесь вам не ЦРБ!

- Да не должен бы он в суд подать... Отчего такой пессимизм? Мы же ему жизнь спасли, с чего он на нас бочку покатит-то?

- Чужая душа - потемки! - изрекает уролог. - Поэтому, чтобы не было проблем, внесите мою фамилию в протокол операции. Я вижу, что орган ушит правильно и пойду вам навстречу. Но учтите: не все урологи такие добрые.

Но это не все. Во-вторых, тебя самым бесцеремонным образом могут отодвинуть от затеянной тобой же операции. Летчик поддерживает мастерство, летая, а хирург - оперируя. Помимо тебя в отделении есть и те, кто сами больных не ведут, а мастерство поддерживать желают, и они делают это за счет твоих пациентов.

К примеру, ты неделю готовил к операции пациента с язвенной болезнью. Договаривался с обследованием, заказал кровь - вдруг пригодится? Исписал кучу бумаг, пока оформил документацию. Выслушал нарекания анестезиологов и исправил их, сделал еще раз ЭКГ, пригласил кардиолога, пульмонолога и еще черт знает кого, лишь бы не «зарубили» операцию. И вот наступает назначенный тобой день. Ты летишь в предвкушении предстоящей операции, еще бы, столько шел к ней... а тебя неожиданно приземляют:

- Доцент Петров хочет прооперировать вашего пациента с язвой!

- Как Петров? А я?

- А вы крючки подержите!

И как ты себя чувствуешь, знает только тот, кто сам прошел через это.

Возможно, этот самый Петров и неплохой хирург, и человек замечательный, но больного-то все же готовил к операции я. И я же буду вести его после операции. Не дай бог, какое осложнение приключится – я буду его исправлять. У нас так заведено, и тут ничего не попишешь. Сам доцент больного готовить не станет, для этого есть лечащий врач. В многопрофильной больнице одни оперируют, а другие – лечат.

– Не нравится? Идите в другое место работать, – любит повторять наш заведующий. – На ваше место очередь, как в Мавзолей!

Он прав, в Питере устроиться в хирургический стационар почти нереально. Человек с улицы просто так в него не попадет – обязательно кто-то должен составить протекцию.

У нас в отделении есть так называемые «волонтеры». Это молодые, способные доктора, из числа тех, кто уже прошел ординатуру, аспирантуру; есть среди них и кандидаты наук. Всех их объединяет одно: страстное желание трудиться в хирургическом стационаре. Но вот досада, их не берут – все ставки заняты, причем треть ставок закреплена за доцентами и консультантами. Они не дежурят по ночам, а в выходные и праздничные дни в больницу и носа не кажут, хотя каждый из них оставил нам номер мобильного для экстренной связи. Мы пару раз пытались дозвониться до них в ночь с субботы на воскресенье. Гиблое дело – звонок проходит, а трубку никто не берет.

Волонтеры ведут в поликлинике амбулаторный прием, а после основной работы приходят на хирургическое отделение, чтобы подежурить по вечерам и в выходные дни, причем абсолютно бесплатно. Цель одна – чтоб их заметили и взяли на освободившееся место, если уйдет кто-то из штатных хирургов. Иногда срabатывает.

На бедных волонтеров сгружают всю черную работу и писанину: они и за санитаров, и за медсестер, иногда как врачи ассистируют на операциях... но ничего сложного им не доверят. Многие через полгода не выдерживают и, плюнув на все, уходят в другое место – вдруг там удача улыбнется?

Судьба к большинству из них несправедлива: парни пашут как проклятые на добровольных началах, а в штат их так и не зачислят. Проработал такой волонтер год-полтора, и вдруг появляется вакансия – думаете, сразу зачислят

волонтера? У нашего начальства много всяких друзей, а у друзей есть дети, тоже прошедшие ординатуру-аспирантуру... дальше можно не продолжать. Волонтер, стиснув зубы, продолжает трудиться за штатом, рядом с новым членом команды.

Такое сомнительное трудоустройство идет во вред всем, и в первую очередь больным. Миф, что в Питере можно устроиться в хирургический стационар исключительно из-за своих феноменальных способностей – не более чем миф.

В-третьих, меня, как истинного авантюриста, всегда влекли неведомые дали. Мне хотя бы раз в два-три года обязательно необходимо куда-то выбраться. Бесцельно валяться на горячем песке возле теплого синего моря – не для меня. Я из той породы людей, которым «хлеба не надо – работу давай». И это не пафос, а стиль жизни! А тут больше пяти лет из Питера никуда не выезжал. Заржавел. Одним словом, срочно требовалось сменить обстановку.

В Питере не дают большие отпуска: всего 36 календарных дней в год, причем делят отпуск на две части: 28 дней и 14. Можно наоборот, но не все сразу. Есть испытанный, правда не мной, вариант, как удлинить отпуск: взять больничный лист, «закосить». Но я никогда подобными вещами не занимался и впредь не собираюсь.

Итак, надо найти такую больницу, где бы срочно требовался хирург, но только на 28 дней и в экзотическом месте, чтоб надолго ублажить мое эго. Я залез в Интернет и принялся искать подходящий вариант.

Международный Красный крест и «Врачи без границ» требовали хирургов с хорошим английским и заключали контракт минимум на год. Ни то, ни другое меня не устраивало. Начать с того, что с английским у меня все скверно...

Попалась на глаза вакансия врача-хирурга на архипелаге Шпицберген, юридически относящемся к Дании. Язык не требовался, так как там вела добычу российская компания «Артикуголь», и вся документация велась на русском. Но контракт заключался как минимум на полгода.

Подходящих мне приглашений за границу больше не нашлось, и я переключился на Россию. «Страна большая, – думал я, – наверняка что-нибудь да отыщется». Я подписался на специальный сайт, и мне каждый день стали приходить десятки

приглашений.

Их обилие вначале удивляло, а затем заставило призадуматься. Скольких же хирургов не хватает во всей стране? От Калининграда и до Чукотки, от Норильска до прикаспийских степей... И не только хирургов: требовались врачи всех специальностей. Не было такого региона, куда не приглашали бы разного рода специалистов от медицины.

Разброс зарплат – от смехотворных в 5–6 тысяч на юге (Краснодарский край, Ставрополье, Нечерноземье) до впечатляющих на Крайнем Севере. Где-то даже предлагали миллион и автомобиль, правда, с оговоркой, чтоб кандидат в миллионеры был не старше 35 лет. Интересно, почему? Почти везде обещали жилье либо деньги на его съем. Эх, почему таких щедрот не было на заре моей хирургической юности? В одну из ЦРБ Вологодской области приглашали на работу хирурга – и деньги сулили, и квартиру, а особенно запомнилось пожелание местного главного врача к предполагаемому кандидату: «Вредные привычки в меру!» Не шучу, сам, своими глазами, читал!

От обилия предложений уже рябило в глазах, но я никак не мог сделать выбор, а время поджимало – до отпуска было рукой подать. Работать за пять тысяч рублей в месяц желания как-то не возникло, хоть я и фанат хирургии, но и фанату иногда хочется кушать.

Чукотка и Сахалин сразу отпали: там можно надолго застрять из-за погоды и опоздать на работу. А у нас церемониться не станут – моментально уволят за прогулы, тем более что волонтеры только этого и ждут.

Разного рода предложения подработать в частных фирмах я тоже отмел: нет экзотики. Думал, думал и решился. На Черном море я был, и не раз, на Желтом и Красном тоже, а вот Белого моря никогда еще не видел...

Существовала и четвертая причина, не менее важная, чем предыдущие три, – мне нужны были новые впечатления. Возможно, если бы я был фантастом, то сочинял бы, не выходя из дома, но реализм требует другого подхода к делу. Необходимо личное присутствие, а еще лучше – личное участие в описываемых событиях. В общем, мне нужны были свежие идеи и острые ощущения.

Итак, я принялся искать подходящий вариант. В круг моих интересов попадали три региона, в которых ощущалась нехватка в хирургах: республика Карелия, Архангельская и Мурманская области.

Расположенные недалеко от беломорского побережья архангельские больницы, увы, зарплатой совсем не порадовали: в лучшем случае предлагали 10–12 тысяч рублей – да у меня столько денег на дорогу уйдет. Интересно, кого они собираются прельстить такими гонорарами?

В Мурманской области требовались детский хирург и хирург в поликлинику. С детьми я когда-то работал, но прошло много времени, а вспоминать заново всю детскую хирургию – как-то чересчур для неполного месяца работы. Поликлинику же я невзлюбил с самого начала своей трудовой деятельности. Для меня это неинтересно, да и неактуально. Возможно, ближе к пенсии, когда здоровье уже не позволит трудиться в бешеном ритме по ночам, я и подумаю о поликлинике – а пока воздержусь.

А вот в районных больницах Карелии, судя по объявлениям, почти нет хирургов. Что за напасть? В Петрозаводске есть великолепный университет, он готовит прекрасные кадры. Куда же они пропадают после выпуска? Знаю нескольких докторов, что осели у нас в Питере, но остальные-то где? Ладно, на месте разберемся. Лишь бы взяли.

Я разослал по электронной почте свои подробные резюме сразу в пять ЦРБ – где-нибудь да сработает. Пришлось пойти на маленькую хитрость и указать, что желаю, мол, работать на постоянной основе. Вряд ли какой главный врач соблазнится временным хирургом, да еще всего на месяц. Единственный способ поработать месяц – подменить местного хирурга на время отпуска, но надо знать, кого конкретно замещать и где. Таких знакомых на периферии Северо-Западного региона у меня пока нет.

Уже через неделю пришли приглашения, причем от всех пяти главных врачей. Видимо, действительно плохо обстоит дело в этих ЦРБ, если берут человека только по его резюме. Бумага-то все стерпит.

Я позвонил по первому же номеру телефона, указанному в ответе.

– Добрый день. Это я вам резюме прислал насчет работы хирургом.

- Да, да! Спасибо, что вы нам позвонили! – горячо поблагодарили меня на том конце провода. – Отличные хирурги нам очень нужны, а ваше резюме меня впечатлило! Ждем! Когда сможете приехать?
- Вы главный врач? – поинтересовался я у трубки. – Как вас звать?
- Михаил Михайлович. – Голос приятный, на хама и держиморду не тянет.
- Михал Михалыч, я готов выехать в ближайшее время, но для начала обозначьте свои предложения.
- Разумеется! Мы вам предоставляем хорошую квартиру, достойную зарплату и, возможно, в перспективе стать заведующим отделением.
- Прямо с ходу заведующим?
- Да! А почему бы и нет?
- А ваш где? Уволился?
- Нет, – возникла незначительная пауза. – Как бы это помягче сказать?..
- Ясно! Не телефонный разговор? – пришел я на помощь главному врачу.
- Вот-вот, – облегченно вздохнул Михал Михалыч. – Не телефонный разговор. При личном знакомстве я вам объясню обстановку.
- Обстановка-то у вас в коллективе – не напряженная?
- Что вы, – засмеялся. – Атмосфера у нас в больнице благожелательная, особенно для новых специалистов. Кроме того, если вы рыбак и охотник, то у нас с этим все на мази. Прямо раздолье!
- Рыбалка и тем более охота меня не интересуют! Зачем зря убивать зверушек? Пускай себе живут на здоровье.

- Да? - на том конце провода явно расстроились. - А еще у нас много грибов и ягод...

- Михал Михалыч, и этим я не увлекаюсь.

- Вы же писали, что длительное время работали на Дальнем Востоке? - не сдавался главный врач.

- Работал. Только я людей спасал в больнице, а не по грибы-ягоды бегал или несчастных животных расстреливал из ружья.

- Ну, одно другому не мешает... - озадачился Михаил Михайлович.

- Я же к вам не на отдых собираюсь, а на работу устраиваюсь. Причем у меня в планах серьезно заняться хирургией.

- То есть все же собираетесь к нам? - голос приобрел мажорный лад.

- Да! Как у вас с жильем?

- Жилье будет!

- Благоустроенное? А то меня уборная на улице и колонка во дворе не радуют.

- Что вы, о чем разговор! Только благоустроенная! Квартира хорошая, если не понравится - имеются еще варианты...

- А зарплата?

- Не обижу. И есть возможность подежурить.

- А миллион дадите? - запустил я пробный шар.

- Миллион? - Главврач замялся. - Вряд ли... А без миллиона не поедете? Я создам вам все условия, еще от местной администрации кое-какие подъемные деньги положены...

– Михаил Михайлович, давайте так условимся: сейчас я у себя в больнице увольняться не стану, это всегда успеется, а возьму, скажем, отпуск на четыре недели и приеду к вам поработать. Как вам такой вариант? Вы проверите меня, так сказать, в деле, посмотрите на меня, а я на вас. А в конце моего пребывания расставим все точки над «і», хорошо?

– Что ж, толково! – оживился голос. – Я согласен. Возьму вас на свободную ставку, и берите дежурства по стационару, сколько хотите. Дорогу туда и обратно я вам компенсирую, только предоставьте билеты. Сообщите заранее, когда приедете – мы вас встретим.

Надо ли говорить, что в остальные больницы я звонить не стал? Как порядочный человек, с глубочайшими извинениями послал в остальные ЦРБ свои отказы.

На следующий день я съездил на железнодорожный вокзал и приобрел билеты в купе до Карельска и обратно – именно в этот город мне предстояло выехать первого августа.

В студенческие годы я страшно любил поезда, причем ездил исключительно в общих вагонах. Нет, не из экономии, а из-за какой-то железнодорожной романтики. Теперь сам себе удивляюсь, но нравилось мне это в юности.

От областного центра, где я учился, до поселка, где жили мои родители, расстояние около 650 километров – это почти 12 часов езды в переполненном битком поезде. Поезд прибывал на мою станцию почти в пять утра. Мой любимый общий вагон заполнялся под завязку такими же, как я, студентами, уезжавшими на выходные домой к родителям, – слегка подвыпившими, хорохорившимися друг перед другом парнями, веселыми задорными девушками. Большинство жило неподалеку: всего в часе-трех езды.

В вагоне яблоку негде было упасть от забравшейся в него молодежи. Общий вагон не имеет мест, сколько человек влезет, столько и поедет. Допускалась и езда стоя. Особым шиком считалось ехать зайцем – не имея проездного билета. При приближении контролеров такие ловчицы либо пробовали укрыться в туалете, либо отсиживались в тамбуре, либо переходили в соседние вагоны – в общем, кто на что горазд. Шум, гам, песни под гитару, легкий флирт, дешевый портвейн для куража – и все без особых эксцессов. Веселье переливается через край, всем хорошо, а впереди у нас целая жизнь.

Постепенно вагон пустел, и к полуночи оставались лишь те, кому, вроде меня, дальше всех ехать. Презрев приличия, мы отправлялись спать на третью полку, куда обычно добропорядочные пассажиры ставят громоздкий багаж. Вы не представляете, как мне нравилось там спать. Глядишь с интересом вниз, как остальной народ конфликтует из-за лишних сантиметров жизненного пространства. А ты лежишь себе преспокойно, вытянув ноги, и тебя это не касается. Главное – не забыть протереть эту полку от многослойной пыли, а то можно так изваляться, что после и мама родная не узнает.

Со временем мои вкусы изменились, я перестал ездить в общих вагонах, а после и вовсе забросил этот вид транспорта. Стоя возле железнодорожной кассы, я с удивлением осознал, что теперь ни за какие коврижки не поехал бы в общем вагоне, не говоря уж о любимой некогда третьей полке. Я даже на купе-то с трудом уговорил себя, поскольку, кроме поезда, удобного транспорта в те края нет.

Глава 3

Я с горем пополам доплелся, в конце концов, с последнего своего дежурства домой. Еще раз проверил собранную громоздкую сумку и, не раздеваясь, завалился спать. Поставил будильник на запланированное время и, едва коснувшись головой подушки, провалился в сон.

И снится мне, что лежу я на пропахшей вьевшимся потом и дешевым одеколоном третьей полке общего вагона, над самым лицом навис исцарапанный нецензурными словами потолок, а внизу плотными рядами сидят беззаботные студенты, смеются и общаются между собой. Поезд, слегка покачиваясь, уносит нас куда-то в безоблачную даль. За окнами в грязных разводах открывается распрекрасный вид, озаренный лучами яркого света... Но просыпаться-то надо: будильник давно уже надорвался, до отправления поезда осталось меньше часа!

Кубарем скатываюсь с лестницы, едва не сбив по пути соседку. На ходу извиняюсь и сломя голову бегу к метрополитену. Неплохое начало для тщательно спланированного путешествия!

А вот и метро. Как всегда в таких случаях, жетон застревает в турникете, и за мной собирается недовольная толпа, прежде чем я протискиваюсь-таки в сторону эскалатора. В давке я теряю накладной карман. К счастью, там нет ничего, кроме блокнота и дешевой ручки...

– Может, ну ее к чертям собачьим, эту поездку? Может, судьба специально знаки подает, чтоб не ехал? Нет! – решительно отвергаю я эти мысли. – Слово же дал, что приеду! Спать меньше надо!

Ровно за две минуты до отправления, с красной рожей и взъерошенными мокрыми волосами, потеряв в давке боковой карман, таща за собой изрядно помятую сумку, вваливаюсь в вагон.

– Алё, Михал Михалыч! – кричу я в трубку мобильного телефона. – Вас Дмитрий Андреевич Правдин беспокоит! Уже еду, встречайте! Вагон? Вагон 17. Почему так дышу? Торопился шибко, боялся опоздать. До встречи!

Закончив разговор, поднимаю глаза и оглядываюсь. Оказывается, я попал в попутчики к разномастной туристской братии, едущей на Валаам и на Кольский полуостров за экстримом. Большинство едет с детьми и собаками, а в багаже угадываются разобранные горные велосипеды и составные части от байдарок. Ну хоть туристы, а алкаши какие, нагруженные спиртным!

Последний день июля дает о себе знать послеполуденной жарой. От нее изнывают и люди, и животные. Хуже всего дело обстоит с детишками: их около дюжины, все, как на подбор, от двух до трех лет, и чрезвычайно голосистые. Через десять минут вагон напоминает филиал чистилища, где помимо адской жары стоит адский шум: крик плачущих детишек, скулеж обалдевших в замкнутом пространстве собак и перебранки случайных попутчиков. Не удалось и мне избежать такой перебранки: протискиваясь в свое купе, я наступил на то ли хвост, то ли лапу выбежавшей в проход таксе, а ее хозяйка меня натурально облаяла.

Но вот я наконец добираюсь до своего купе. Мои соседи – пожилая пара спортивного вида: стройная женщина за семьдесят (язык не поворачивается назвать ее «бабушкой», лишь заплетенные в косу седые волосы и лучики морщин вокруг глаз выдают ее истинный возраст) и поджарый мужчина ей под стать. Наш четвертый попутчик где-то у друзей в соседнем вагоне и придет

только к ночи.

Тамара Ивановна и Борис Михайлович, мои новые знакомые, – коренные москвичи. Они поженились еще студентами, долго работали в каком-то закрытом НИИ инженерами, а выйдя на пенсию, увлеклись путешествиями по России.

– Вы представляете, Дмитрий, мы с Борисом всю жизнь дальше МКАД почти не выезжали, разве что в служебные командировки, да пару раз за границей побывали, – прихлебывая чай, рассказывает Тамара Ивановна. – У нас и вся родня в Москве. Так и прожили до пенсии в столице.

– Только когда перекрасились в пенсионеры, решили исправить ошибку! – улыбаясь, поддерживает супругу мой попутчик. – Изучаем нашу необъятную страну, так сказать, вживую. Где мы только за эти годы не побывали... Дальний Восток, о! Вы там бывали когда-нибудь?

– Я там вырос и долгое время работал, – по-простецки говорю я, уплетая слойку с маком. – Я в Питере не так давно обретаюсь, но путешествовать люблю и не дожидаясь прихода пенсии. А вы сейчас куда путь держите?

– На Соловки, – отвечает Тамара Ивановна, – слышали, поди?

– Кто ж не слышал? Дикарями или иным способом?

– По Интернету выбрали фирму, что подешевле, естественно – мы как-никак пенсионеры, – и махнули!

– Да, с остановкой у вас в Питере! Два дня любовались Северной Пальмирой, а теперь на Соловки!..

– А где вам выходить?

– Кемь. Это уже в Карелии. Там нас встретят, и дальше на теплоходе уже поплывем по Белому морю на Соловецкие острова. А в прошлом году ездили на Валаам. Вы не бывали?

- К сожалению, пока не довелось, - грустно отвечаю я.

- Ну, какие ваши годы! - подбадривает Борис Михайлович.

- Еще наверстаете! - подхватывает Тамара Ивановна, убирая со стола.

- И действительно, отчего такая идея не приходила мне раньше в голову? - думаю я, отправляясь после ужина на боковую на своей верхней полке...

Глава 4

Я просыпаюсь, когда за запотевшим окном едва брезжит дневной свет. Мои попутчики готовятся покинуть вагон и достают свой багаж.

- Кемь? - вполголоса интересуюсь я у пенсионеров.

- Да, подъезжаем.

- Как Кемь?! - подскакивает молодой взъерошенный субъект на верхней полке по соседству. Когда он там успел появиться, я, честно сказать, и не заметил. - Да что же это такое? Отчего меня никто не будит? Мне тоже в Кемь надо! Безобразия!

- Да вы успокойтесь, молодой человек! - ласково обращается к нему Тамара Ивановна. - Проводник вас уже три раза будил, только вы все не просыпаетесь!

«Пить меньше надо!» - думаю я, когда субъект, слезая с полки вниз, обдает меня алкогольным амбре.

- Эй, парень! Сдавай белье! - звучит раздраженный голос проводника. - Имей совесть! Четвертый раз к тебе подхожу!

- Да? - искренне удивляется парень. - Эх, видимо, вчера мы малость перебрали!

Я помогаю пенсионерам-туристам вынести на перрон их объемистый багаж.

- А что там у вас? - указываю на поклажу. - Целый дом с собой тащите?

- Вы почти угадали: там у нас и палатка и спальные мешки. Все с собой носим, и не надо ни на какие гостиницы тратиться.

Молодцы, что скажешь? Людям далеко за семьдесят, а они с палаткой, с рюкзаками вышагивают по стране, пытаюсь наверстать упущенное в молодости.

Следом вываливается и взъерошенный сосед, принимавший вчера на грудь. Оказывается, здесь выходит чуть ли не весь вагон: и те, которые с детишками, и те, которые с собаками и байдарками-велосипедами, и склочная тетка со своей таксой... Я возвращаюсь в купе и занимаю свое прежнее место на верхней полке. В опустевшем вагоне стоит непривычная тишина, слышно только какие-то крики на перроне и шум отъезжающих от станции автомобилей.

Время стоянки заканчивается, и в купе вваливаются двое новых пассажиров. Один - лет сорока, рябой, с залысинами на шишковатом черепе, в давно не стиранных джинсах и форменной железнодорожной рубашке с грязным воротником. Второй - лет на пятнадцать моложе, рыжий, вихрастый, в сильно жеванной белой футболке с капюшоном, красных кедах и джинсах, немножко чище, чем у первого.

- И чё теперь делать? - второй достает из сумки пиво «Охота Крепкое».

- Надо подумать, - первый, оглядев купе, кивает мне, здороваясь.

- А чё тут думать? - закипает рыжий, мелкими торопливыми глотками прихлебывая из жестянки вонючее пиво и обтирая вылезшую из прорези пену белоснежным рукавом. - Надо больничный брать!

- Как ты его возьмешь? - морщится старший. - Кто тебе его так запросто выдаст?

- Ха! Будь спок! Не впервой! Сейчас все организуем, - молодой отставляет в сторону опустевшую банку и, выудив из кармана телефон с сенсорным экраном,

принимается кому-то названивать. – Алё, Вадим? Привет, это Вовка Измайлов! Узнал? Долго жить буду? Это хорошо! Слушай, помоги нам с больничными. Да, мне и Степанычу. В общем, нас от поездки отстранили и теперь мы пассажирами едем. Да! Вляпались! – Вовка искоса смотрит в мою сторону. – Подробности при встрече! Ну, у тебя же знакомая медсестра в поликлинике, пускай и нас выручит. Мы со Степанычем в долгу не останемся. Ага, давай!

– Ну, что? – вытягивает шею тот, кого назвали Степанычем. – Поможет?

– А то? – развязно откидывается назад Вовка и принимается за вторую банку «Охоты». – Не ссы, Степаныч, у меня там все схвачено!

– Ты бы это, – старший показывает глазами на пиво, – не бухал бы сейчас.

– Да чё будет-то? – отмахивается враз охмелевший Вовка.

– А как ты на прием к доктору-то пьяный сунешься? Хрен больняк-то выдаст! Еще и алкогольное опьянение напишут. Тогда совсем труба!

– Кому, мне? Да они у меня вот все где! – Он сжимает костлявые пальцы в хлипкий кулак и гордо выгибает впалую грудь. – Пускай только попробуют! Я с их главврачом в одном доме живу! Только скажу ему одно слово – всех уволит! Ик! Ик!

– Так что ты какому-то там Вадиму звонишь? Давай напрямую главврачу! – недоверчиво предлагает Степаныч.

– Ном-м-мера его н-н-не знаю! – еле ворочая языком, объясняет рыжий и лезет за третьей банкой.

Напарник морщится, видя, как неисправимый Вовка, обливаясь ядовитой пенящейся жидкостью, крупными глотками переливает в себя содержимое пивной банки.

– Н-но н-надо будет – узн-н-наем! – мычит молодой железнодорожник и встает из-за стола.

- Ты куда? - всполошился старший.

- Пойду от-т-толью. Ик! Ик!

Поезд неожиданно останавливается, и парень, не устояв на ногах, падает срубленным деревом в объятия трезвого напарника, зацепив заодно и меня. Степаныч укладывает его на свободную нижнюю полку. Вовка тут же отрубается и лежит, пуская на себя слюну чуток желтого цвета.

- Земеля, ты его извини!

- Ты б его сводил в гальюн! - советую я, когда поезд трогается с места. - А то в штаны надедает.

- Да и пусть! - Степаныч не отрывает взгляд от окна. - Я ему не нянька!

- Нянька - не нянька, а полтора литра пива твой дружок выдул. Если почки работают нормально, то самое время диурез справить!

- Чего справить?

- Диурез! В туалет веди дружбана своего, пока не поздно!

- Не друг он мне. Сопляк! - презрительно цедит сквозь зубы железнодорожник, продолжая пялиться в окно.

- Ну, как знаешь, - кривлюсь я и на всякий случай переставляю свою дорожную сумку и туфли вверх, в специальную нишу.

Примерно через час после нашего диалога со Степанычем внизу раздается истошный вопль проводника:

- Что ж ты, пакость такая, вытворяешь? А?!

Гляжу вниз. Степаныча в купе не наблюдается, а Вовка полностью оправдывает мои опасения: на пол льется уже целый водопад.

– Вот же свин! – рычит проводник, правой ногой отодвигая половик. – Гражданин, он с вами?

– Боже упаси! Я что, похож на человека, у которого такой спутник?

– Егорыч, что за проблема? – второй проводник подходит к нашему купе. – Ох, мать! От, козел!

– Ну и чего, Николаич, делать будем? Этот ссыкун в Карельске сходит. А второй, должно быть, уже слинял.

Проводники ушли и вернулись, ведя следом младшего лейтенанта полиции, низкорослого белобрысого паренька с оттопыренными ушами, причем левое ухо изогнулось куда сильнее правого.

– Вот, Сережа, это тот самый гад! Обоссал все купе и еще, кажись, обосрался! – четко, по-военному докладывает представителю власти Егорыч.

– Насчет последнего сомневаюсь, и это я вам как профессионал говорю! – оправдываю я злодея. Не люблю, знаете, когда на людей напраслину возводят, даже если это такой вот Вовка.

– Разберемся! – Представитель власти старается снизить свой писклявый голос как минимум на октаву и строго смотрит на меня снизу вверх. – А вы кто такой, гражданин? Что за профессионал? Ваши документы?

– Я врач, хирург, еду в командировку в Карельск, – подаю младшему лейтенанту паспорт. – И как врач заявляю, что нижележащий субъект пребывает в состоянии тяжелого алкогольного опьянения, отчего у него не выдержали детрузоры и он, прошу прощения, обмочился. А вот того, что товарищ проводник говорил, пока не было, но если не принять экстренных мер, то может и произойти.

– Что произойти? – младший лейтенант возвращает мой документ, стараясь при этом не наступить в лужу.

- Доктор говорит, что этот козел может еще и обоссаться, - переводит Егорыч мою мысль на доступный язык.

- И что нам делать, доктор? - и все трое смотрят на меня.

- Нужно высадить его с поезда и сдать в вытрезвитель! - брякаю я первое, что пришло в голову.

- Вытрезвители уже сто лет как позакрывали, а тут их и отродясь не водилось.

- Тогда сдайте его в милицию. Или как вы в таких случаях поступаете?

- Так как же мы его сдадим, если вы говорите, что у него эти... де... де? - морщит лоб младший лейтенант.

- Детрузоры не держат?

- Во, во - детрузоры! А, что, если он из-за этих детрузоров дуба врежет? Кто станет отвечать? Полиция опять крайняя?

- Да при чем тут детрузоры? Детрузоры - это такие специальные мышечные образования в организме у человека. Когда мочевой пузырь переполнен, они открываются, и моча вытекает наружу. В норме, как правило, человек может управлять этим процессом. А пьяный теряет самоконтроль, и моча отходит помимо его воли. Протрезвеет - и все восстановится. Для чего его в больницу везти?

- Опять потекло! Ах, ты, мать твою за ногу! - бранится Николаич. - Серега, ну чего ты стоишь, слушаешь какого-то пассажира? Давай, делай что-то! Ты же власть!

- Не какого-то, а врача! - вяло огрызается младший лейтенант Серега, напялив сразу на оба уха фуражку. - Раз в больницу не обязательно, высадим из поезда. Сейчас, - он смотрит на часы, - через пятнадцать минут прибудем в Карельск. Там стоянка большая, оформим в обезьянник.

– А с этим-то как быть? – Егорыч тычет носком сверкающего франтоватого ботинка в лужу на полу.

– А с этим сами разбирайтесь! На то вы и проводники, чтоб за порядком в вагоне следить!

– Это что же получатся, – надувается Егорыч, – всякая шваль будет ссать прямо в купе, а ему ничего за это не будет?

– Штраф выпишем, привлечем к административке, на работу сообщим! – заученно перечисляет полицейский.

– И это все? А убирать кто станет?

– А вот ты и станешь! – неожиданно для всех повышает голос младший лейтенант. – Ты куда смотрел, когда он пиво это хлестал без разбора?

– Так пиво разрешено. Его вот даже из вагон-ресторана по вагонам развозят.

– Ну, вот им и скажи, хе-хе, – ухмыляется офицер полиции, – чтоб пришли и убрали, раз продают!

– «Охоту» в вагоне-ресторане не продают. Эта тварь его с собой принесла.

– Тем более нужно смотреть, кого в вагон пускаете! Что он у вас с бухлом-то лезет?

– Так он сам железнодорожник, помощник машиниста. Ему в сумку заглядывать? На каком основании?

– Егорыч, Николаич, вы меня до греха не доводите! Я при исполнении! – вдруг заводится Сережа. – А то еще и рапорт подам на вас!

– Какой-такой рапорт?

- Обыкновенный! Напишу, что это вы продали из-под полы этому обоссанцу спиртное с целью незаконного обогащения.

- Мы?

- Вы! Знаю я вас, проводников, любите втридорога перепродавать.

- Как тебе не стыдно, Сережа, - принимается стыдить его Егорыч. - Мы же уже два года знакомы, и хоть раз ты о нас что-то дрянное слышал?

- Два года не слышал, а вот теперь увидел!

- Что увидел-то? Это мы ему разве пиво продавали?

- Эй, граждане! Товарищи! Господа! - подаю я голос с верхней полки.

- Что вам, товарищ? - смотрит в мою сторону полицейский. - Чего вы кричите, чего мешаете следственным действиям?

- Хочу выйти из купе. Скоро моя станция.

- Так и идите себе на здоровье. Вас никто не задерживает... пока! Но, возможно понадобится как свидетель...

- Как я пойду, если внизу, простите, лужа? Вы уже полчаса ссоритесь, а она нисколько не уменьшилась за это время. Как мне пройти в коридор?

- Егорыч, а пассажир прав, - тоскливо отзывается Николаич. - Как он по луже пойдет?

- Во-во, летать не умею. Так что с полом?

- А что ты на меня так уставился, Егорыч? Кажись, твоя смена - тебе и флаг в руки, вернее, тряпку!

Через десять минут я осторожно спускаюсь на свежeweымытый пол, обуваюсь и, подхватив багаж, иду к выходу. Дежурившая у купе троица как-то недобро смотрит мне вслед.

Я разглядываю через наполовину распахнутое окно приближающийся населенный пункт. Вот вдоль рассыпавшегося на множество запасных путей железнодорожного полотна мелькнули грязно-желтые ветхие хрущевки. Вот показались чахлые привокзальные деревца и когда-то считавшийся белым станционный забор. Проезжающие мимо автомобили носят на номерных знаках цифру «10», обозначающую карельский регион. Тут поезд замедляет ход, и через положенное время мы останавливаемся.

– Карельск! Стоянка пятнадцать минут! Не забывайте свои вещи в вагоне! – зычно кричит проводник дежурную фразу и сторонится, пропуская меня вперед.

– Дмитрий Андреевич Правдин, хирург, тут едет? – сухонький старичок лет так под семьдесят, прищурившись, всматривается внутрь вагона, причем мимо меня.

– Тута! – вместо меня сообщает Егорыч. – Вон они, слазят! Иди встречай!

Весело поздоровавшись со встречающей стороной, я отклоняю предложение тащить мой сумарь. Еще не хватало дедку надрывать пуп моим багажом.

– Доктор, идемте, там у меня машина стоит. Главный врач велел вас лично встретить.

– Весьма польщен! Идемте! – киваю я и, пропуская водителя вперед, следую за ним, стараясь не запнуться о рельсы.

Надпись «Беломорск» на здании вокзала продублирована чуть ниже на карельском языке. Ну, вот, сдается мне, я добрался-таки до конечной!

– А что, отец, невесты у вас в городе есть? – Я подмигнул водителю, усаживаясь рядом с ним в кабину белого, густо покрытого серой пылью УАЗика. То ли он не расслышал, то ли не читал классиков и ничего не знал про Остапа Ибрагимовича, только не стал отвечать с улыбкой: «Кому и кобыла невеста!» В общем, пробный шар прошел мимо. – Далеко ехать, говорю? – что есть мочи гаркаю ему в правое ухо.

– Не орите так! Я не глухой. Ехать не так далеко. Вон ресторан «Беломорье», – водитель тормозит машину возле типичного питейного заведения середины 90-х годов: двухэтажный прямоугольник из лиственничного бруса, с огромными цветными витражами вместо окон и неоновой рекламой над входом. – Там и невесты имеются, и выпить-закусить можно, причем не так дорого. А там за углом сауна, туда с невестами пускают. Подъехать?

«Да, не глухой, но с юмором у него явно туговато», – думаю я, а вслух важно говорю:

– Я к вам не по этой части приехал!

– Так сами же про невест спрашивали. Вот, показываю, где они водятся, – удивляется старик.

– Уважаемый, едем дальше! – прошу я, понимая, что дальнейший разговор в таком духе заведет в тупик. С врагами Ильфа и Петрова лучше не подтрунивать.

– Вот тут у нас взрослая поликлиника, – первым нарушает тягостное молчание мой собеседник: похоже, он решил, что сморозил что-то не то, и решил загладить свою вину, – а сейчас покажу детскую поликлинику.

– Вас как величать? – я пропускаю мимо ушей его комментарии.

– Все Петровичем кличут!

– Петрович, все это крайне интересно, но покажите лучше, где у вас можно приобрести сим-карту.

– Чего приобрести? – округляет глаза пенсионер.

- Ну, где ближайший салон сотовой связи?

- А-а-а, салон связи! Так тут недалеко...

Мой гид остается в машине читать мятую газету, а я поднимаюсь по железной лестнице в нужное заведение.

Салон оказался обычной двухкомнатной квартирой, превращенной в торговую точку. Лестницу приделали уже позже, прорубив в стене дверь и приварив к ней стальные рельсы с широкими рифлеными металлическими ступеньками и ажурными поручнями.

В густо освещенной дневным и электрическим светом комнате, уставленной образцами гаджетов, за высоким прилавком скучают две особы. Одна – пергидролевая колоритная блондинка, вторая – брюнетка, тоже весьма насыщенной окраски. На этом их различие и заканчивается. Сближает же их весьма яркий макияж и бросающаяся в глаза избыточная полнота. Обе сосредоточенно хрустят попкорном из высокого блестящего пакета и пялятся в портативный телевизор, повернутый к покупателям пластиковым черным задом. Видимо, что-то очень интересное, раз обе дамы даже не ведут бровью при моем появлении.

- Девушки, добрый день, можно у вас симку приобрести?

- Паспорт есть? – не отрываясь от экрана, вяло интересуется блондинка.

- А как же!

- Ты глянь, Гала, что это дура вытворяет! – злобно тычет блондинка в экран телевизора моим паспортом.

- Да все они там дуры! Че, только узнала?

- Девушка, – любезным тоном напоминаю я о себе, – как насчет сим-карты МТС?

- Паспорт! – равнодушно отвечает блондинка.

- Второго у меня нет, – подчеркнуто вежливо сообщаю я.

- А, точно! – Гала протягивает мне пачку красных пластиковых карточек. – Можете выбрать себе номер, какой пожелаете.

- А в чем изюминка?

- Да ни в чем, берите любой.

Чтобы не мешать заполнению документов, отхожу в сторону и принимаюсь рассматривать выставленные в витринах сотовые телефоны.

- Ленка, – громко шепчет брюнетка. – Ты глянь на прописку, мужик-то с Питера!

- Да ты че? И точно!

- А он и сам вроде ничего, – тихо шепчет на ухо подруге Гала. С акустикой в салоне на пять баллов. – Давай, действуй! А то так и просидишь всю жизнь в этой дыре. Че, каждый день, что ли, с Питера мужики заходят? Раз симку покупает, значит, пробудет какое-то время. Ну?

«Ух ты! – меня аж в жар бросает. – Неужто эти приветливые пожирательницы жареных злаков устроили тут охотничью засаду? Занятно!»

- Мужчина, мужчина, – елеиным голосом обращается ко мне Ленка, поправив сбившуюся на бок прическу и сверкнув золоченым пирсингом в пупке. – Скажите, а вы в Петербурге проживаете?

- Да, в Санкт-Петербурге. А вы там бывали? – мило улыбаюсь я.

- Разумеется, – девушка еще милее улыбается в ответ, обнажив довольно сносные, но уже тронутые никотином зубы. – Каждый культурный человек обязан хоть раз побывать в культурной столице нашей страны. Хи-хи-хи.

- Хи-хи, – поддерживаю я. – То есть, вам доводилось посещать Северную Пальмиру? Как истинно культурной девушке?

- Чего, простите, посещать? Какую такую Пальмиру?

- Северную! Так еще иногда образно Петербург называют.

- А-а, образно! Да, конечно! И не раз! Очень красивый город, мне он так нравится! А вы к нам надолго? А вам наш город понравился?

- Пока на месяц. А там как бог даст. А сейчас посоветуйте мне тариф...

- Слышь ты, отойдем-ка! - опять шипит на ухо товарке Гала. А мне твердым голосом объясняет: - Извините, мужчина, нам нужно с девушкой пообщаться наедине.

- Да, да, разумеется!

- Че такое? - донесся до моего чуткого уха тихий голос моей собеседницы.

- Ниче! Хватит комедию ломать! Он, оказывается, женат, я в паспорте посмотрела!

«Любопытно, а как она сейчас себя поведет?» - потребовала продолжения диалога моя писательская любознательность.

- Все в порядке? - улыбнулся я девушкам, протягивая деньги.

- А вам-то какое дело? - надулась Ленка.

- Так вы меня спрашивали насчет вашего города, - сознательно не обращаю я внимания на перемену настроения у толстушки. - Что из достопримечательностей вы бы посоветовали посмотреть?

- Мужчина, я вам что, справочное бюро?

- Но позвольте? - изображаю я крайнюю степень удивления. - Вы же сами навязали мне этот разговор...

– Ничего я вам не навязывала! – красотка задирает крашенные брови. – Что вы тут себе возомнили?

В этот момент в салон с шумом вваливается толпа подростков:

– Нам деньги на телефон нужно положить!

– Мужчина, вот ваша сим-карта и паспорт! – сурово изрекает Гала, подавая мне ожидаемое. – Забирайте и оставьте девушку в покое, у нее, между прочим, жених имеется!

– А я, по-вашему, метил на место жениха столь грациозной дамы?

– Не знаю, куда вы там метили, только мы с женатыми мужчинами не общаемся! – гордо заявляет Ленкина подружка и демонстративно отворачивается.

– А с чего вы вообще решили, что я с вами что-то затеваю? У вас, дамы, на редкость богатое воображение! И как вы правильно заметили, у меня жена дома имеется! – с этими словами я решительно отправляюсь на улицу.

Петрович сидит в той самой позе, в какой я его и оставил двадцать минут назад: скрючился на водительском месте и сквозь толстые стекла очков изучает передовицу «Карельского вестника». Причем, кажется, все одну и ту же страницу.

– Ну, что, Петрович, рванули дальше! – беззаботно говорю я, захлопывая за собой дверцу.

– Куда прикажете? В больницу?

– Если есть время, то давайте заедем на пляж, охота море вблизи посмотреть.

– А вы что, моря никогда не видели? – Петрович складывает газету в бардачок.

– Белого – не видел.

- А, что Белое, что Серое, все одно – вода, да притом соленая.

- Да, Петрович, вы не романтик!

- Я практичный человек. Везде в морях вода – почти одинаковая. Я на флоте пять лет оттрубил в свое время и со всей прямоотой могу заявить, что везде она соленая. На Балтике, конечно, не такая соленая, как, скажем, в Индийском океане. Но от этого суть не меняется!

- А вы и в Индийском океане бывали?

- Доводилось, – важно кивает Петрович и трогается с места.

Мы проезжаем городскую застройку и, выбивая старыми колесами клубы серой пыли, мчимся под уклон по горному серпантину разбитой дороги, ведущей к самому Белому морю, к городскому пляжу. Зрелище, надо отдать должное, завораживающее.

Сам город Карельск построен на полукилометровой возвышенности, в одной из небольших беломорских бухт, и располагается в несколько ярусов по отлогим склонам сопки, что окаймляют все побережье. Городские кварталы чередуются с угрюмым лиственнично-хвойным лесом, который в разных местах вклинивается в городскую черту на неодинаковую глубину. Вокруг города стоит малахитовая стена безбрежной тайги. Она продолжается до самого горизонта и обрывается лишь у серебристой каймы морского берега.

Местный пляж усеян гладкими валунами и крупной галькой, отшлифованной морскими приливами. Песка нет совсем – только проплешины болотно-зеленой травы. Зато от водной глади, усеянной множеством мелких островков, поросших корабельными соснами, невозможно отвести глаз. Снуют яркие яхты и катера, возле берега мелькают и модные нынче доски с парусом, с отважными наездниками в теплых гидрокостюмах. Вот кто-то не совладал со стихией и звонко плюхнулся в воду. Теперь, громко фыркая и матерясь на всю карельскую бухту, пытается повторить попытку.

Несмотря на жару, душной подушкой накрывшую весь город, энтузиазма среди купальщиков я не увидел. Так, пара-тройка джентльменов в подпитии пытается изобразить из себя хватких пловцов, рассекая прибрежные воды. Но в основном

местное население лезть в воду не торопится, предпочитая водным процедурам солнечные ванны на берегу.

– Петрович, – радостно кричу я провожатому, зачерпнув горсть хрустально чистой воды и лизнув ее языком, – соленая! Ей-богу, соленая!

– Знамо дело, – хмуро отвечает старик, расстегивая верхнюю пуговицу на застиранной байковой рубахе. – Какой же ей еще быть? В море-то?

– Петрович, давай я искупнусь, а? Вода – как парное молоко! Подождете?

– Ну, купайтесь! Чего уж там, подожду. Михал Михалыч сказали показать вам тут все, – бубнит Петрович, – уделить время. Только, доктор, вода чуток подальше от берега будет холодной. Осторожней, чтоб ноги судорогой не свело.

Я захожу по пояс в относительно теплую, светлую воду, а затем быстро ныряю.

– Ах! Ух! – выныриваю на поверхность. – Здорово! Сбылась мечта идиота: окунулся в Белое море!

Раззадорив сам себя, я быстро отдаляюсь от берега и через пять минут наш автомобиль «скорой помощи» выглядит спичечным коробком, а тела загорающих людей – едва различимыми пятнами.

Вопреки предсказаниям Петровича, вода остается на удивление теплой, а самое главное – прозрачной. Сквозь беломорскую толщу различается неровное морское дно с громадными валунами и желтоватыми водорослями. Я ныряю, пытаюсь подцепить что-нибудь со дна, и через минуту выскакиваю на поверхность как ужаленный: на глубине вода резко делается ледяной, так что со мной чуть не приключилась рефлекторная остановка сердца. Устрашившись, что ноги сведет судорогой, как стращал Петрович, я тотчас поворачиваю к берегу и плыву, без остановок загребая морскую зыбь до тех пор, пока не различаю лица загорающих на пляже тетенек.

Перевернувшись на спину, я отдыхаю, восстанавливая силы. Мерно покачиваясь на прогретой ласковым солнцем волне, вижу высоко-высоко в лазурном небе едва приметные дымчатые облака, лениво плывущие надо мной. Крикливые

чайки, размахивая белыми крыльями, спорят неподалеку. Тут я первый раз замечаю настоящего альбатроса. Массивная белая птица с хищно загнутым на конце клювом и широкими сильными крыльями не спеша пролетает в метрах десяти от меня. Не обращая на меня никакого внимания, альбатрос пикирует и, едва коснувшись грудью воды всего в паре метров от меня, вновь плавно уходит ввысь. Чайки при этом тут же перестают браниться и от греха убираются восвояси, а большая птица делает новый заход.

Я выхожу на берег и, дрожа от холода, карабкаюсь вверх по насыпи в сторону больничной машины.

- Ну что, Петрович, заждались?

- А, доктор? Вы уже искупались? - отрывается водитель от газеты. - Едем?

- Ну, Петрович, надо же хоть обсохнуть. Не могу же я в мокром виде заявиться к вашему главному врачу. Вы по-прежнему никуда не торопитесь?

- Да, да, непременно нужно высохнуть! Эх, полотенца у меня нет. А насчет времени не переживайте - Михал Михайлович уже отзвонились, я им сказал, что вы купаетесь.

- И что главный врач? - интересуюсь я, вынимая из сумки домашнее полотенце.

- Пускай, говорит, купается себе на здоровье. Когда еще доведется искупаться?

- Вот как? У вас в больнице напряженная обстановка?

- В смысле?

- У хирургов много работы?

- Про работу хирургов ничего не знаю, я же простой водитель.

- А почему вы тогда сказали «когда еще доведется искупаться»? Я решил, что у вас хирурги безвылазно сидят в больнице, продохнуть некогда, не то что на море выбраться.

– А? Нет! Я сказал, что погода нас совсем не балует. В этом году третий день только солнечный. А в прошлом годе и вовсе солнца не видели.

– Получается, Петрович, я вам привез замечательную погоду?

– Выходит, что так, – слегка улыбается сухими губами старик.

Переодевшись во все сухое, я пересаживаюсь на пассажирское место. В окно видно, что народу на пляже заметно прибавилось.

– Ну, что, Петрович, заводи свою шарманку!

– Все? Готовы? – без всяких эмоций спрашивает водитель и, сложив газету, убирает ее в бардачок. Краем глаза я вижу, что страница осталась все той же. Что он с ней делал эти полчаса? Не знаю. Но у меня такое впечатление, что если б я утонул, то Петрович бы и ухом не повел, сидел бы себе дальше и разглядывал бы свою газету. Странный тип.

Мы въезжаем в город и выруливаем на главную улицу.

– Петрович, а музей у вас в Карельске имеется?

– А как же! – оживляется водитель. – Хотите взглянуть?

– Не сейчас, и так задержались. Вдруг какой сложный случай – а я по музеям разгуливаю?

– Какой случай? – не понял Петрович.

– Привезут экстренного больного, к примеру, истекающего кровью, а мы с вами по музеям ходим, а он в луже крови погибнет.

– Да ну, кто там кого привезет? Я уж и не припомню, когда к нам такого истекающего кровью-то и привозили, чтоб сломя голову нестись в больницу.

Я молча с удивлением гляжу на Петровича.

– А чего вы так на меня смотрите? Я вам правду говорю: тихо у нас. Ну, бывает, что по пьянке подерутся и ножичком друг друга порежут, но чтоб вот так, кровью истекать, да у всех на виду – редко. Позвонят, если чего! – Старик вытаскивает из кармана сотовый телефон, продолжая одной рукой вертеть баранку. – Да и свои хирурги у нас неплохие, в случае чего – сами справятся.

– Все равно, поехали прямо в больницу! Покажите, где музей, я в него свободное время схожу – если оно, конечно, будет.

– Кто будет? – Петрович довольно натурально улыбается. – Время? У вас свободного времени, доктор, вагон будет. В три часа в больнице уже никого не найдешь! А музей мы уже проехали. Развернуть?

– Зачем же? В выходной день съезжу. Какой туда автобус ходит?

– Не знаю, я же все время на колесах. Да и плохо у нас с автобусами. Люди или на своих машинах добираются, или на такси.

– На такси? Ни разу в жизни еще не ездил в провинциальном городе на такси.

– Так недорого совсем. От больницы до музея рублей пятьдесят станет, не дороже, чем у вас в Питере на метро прокатиться. Телефонами вон все стены обклеены: конкуренция! – Тут Петрович тормозит возле высотного здания. – Все, приехали!

Глава 6

Больница почти полностью совпала со своим изображением, подсмотренным мною в Интернете. Стандартное блочное шестиэтажное здание советской постройки, выкрашенное в непривлекательный пепельный цвет, с огромными сверкающими на северном солнце окнами и относительно просторным застекленным холлом. Слева обозначен коротким козырьком и потускневшей синей надписью отдельный подъезд для приемного покоя.

К моему немалому удивлению, возле сердца больницы – приемника не видно ни одной «скорой», да и вообще ни одной машины. Желающих получить медицинскую помощь я тоже не вижу. Кругом тишь, благодать и ни одной живой души.

– Петрович, а приемный покой в больнице закрыт? – соскочило у меня с языка, когда мы вылезли из пропыленной машины.

– Почему закрыт? – удивляется водитель, недоуменно посмотрев в сторону подъезда. – Открыт. Он же в круглосуточном режиме работает.

– Странно, а где тогда весь народ? Где больные? – чешу я в затылке.

В нашей питерской больнице возле приемного покоя неизменно собираются разноцветные машины «скорой», лимонные и белые с красным крестом, создавая легкий затор. Одни отбывают, другие приезжают, и этому не бывает конца. После этого видеть абсолютно пустой и мирный приемный покой даже как-то дико.

– Так у нас так завсегда! – не понимает Петрович.

– Всегда тихо?

– Да, а что?

Я не отвечаю, а, вытащив из салона дорожную сумку, иду вслед за приободрившимся Петровичем к центральному входу. Бросаются в глаза чистота и порядок, царящие на больничной территории. Ни мятой бумажки, ни обслюнявленного окурка, ни конфетной обертки – все выметено, вылизано и убрано, самый пытливей взгляд не найдет изъяна. Проходя возле объемной урны около самого входа, я вижу, что она абсолютно пуста и выкрашена в бодрый серебряный колер. Повсюду чувствуется рука хозяина.

В просторном вестибюле царит спокойный полумрак и все тот же бетонный порядок. Полы тщательно вымыты, пыль везде протерта, ничего нигде не валяется и не топорщится. Вдоль стен на стульях сидят несколько улыбающихся посетителей, а рядом больные в проштампованных пижамах. Тут же газетный

киоск и маленький буфет, торгующий разной вкусной мелочью.

– «Комсомолка» есть? – спрашиваю у киоскерши, приятной женщины пенсионного возраста.

– Вам сегодняшнюю?

– А есть?

– Конечно, мы всю самую свежую прессу день в день получаем, – немного обижается дама.

– Давайте сегодняшнюю.

– Двенадцать рублей, пожалуйста.

Я протягиваю ей деньги, отметив про себя, что цены здесь точно такие же, как в Питере, и не кусаются. С некоторой опаской пройдя мимо до чрезвычайности суровой охранницы, дородной тетеньки, облаченной в черную форму с накладными погончиками, я оказываюсь в широком, чистом, хорошо освещенном коридоре.

– Нам сюда! – Петрович указывает на толстую стеклянную дверь с надписью «Главный врач» на красной блестящей табличке.

Пройдя мимо строгой бесцветной секретарши, одарившей нас взглядом-рентгеном, мы попадаем в кабинет средних размеров, украшенный почетными грамотами и дипломами ярких расцветок. Похоже, хозяин кабинета весьма гордится достижениями своей больницы, раз почти все стены завесил их картонными подтверждениями. Лишь над его рабочим местом висят портреты президента Путина без галстука и почему-то С.П. Боткина в старинном пиджаке, с раритетным галстуком на шее.

– О-о! Дмитрий Андреевич! Заждались вас! – встречает меня, поднимаясь с высокого кожаного кресла, плотный гладко выбритый человек с шикарной черной шевелюрой, слегка тронутой сединой. – Рад! Очень рад вас видеть! – Он пожимает мне руку. – Я – Михал Михалыч! Как добрались? Чай? Кофе? Может,

чего покрепче с дороги?

- От чая с дороги не откажусь, а вот «покрепче» не стоит.

- Да, да, да! - широко улыбается главврач, - помню, вы в своем резюме указали, что вредных привычек не имеете.

- Точно! Не курю, не пью и не смотрю футбол-хоккей! - цитирую часть своего резюме. При этом стоящий у дверей Петрович почему-то морщится и смотрит на портрет врача С.П. Боткина. - Документы мои сейчас станете смотреть или после? - Я тянусь к дорожной сумке, чтоб извлечь диплом, сертификат и прочее.

- Дмитрий Андреевич, я вам верю! Покажете документы потом, в отделе кадров, Но может, с хоккеем-футболом перебор? - Михал Михайлович изучающе смотрит мне в глаза.

- Ну, у меня другие интересы, - я продолжаю улыбаться. - Каждый волен сам распоряжаться своим досугом. Лишь бы не в ущерб работе и общему делу. У меня такая вот точка зрения.

- В целом я вас поддерживаю. Но про спорт забывать не стоит.

- Михал Михайлович, большинство фанатов футбола и хоккея сидят у телевизоров с пивом, а то и с чем покрепче, и таким образом «болеют» за любимую команду. А еще хуже, когда такие, с позволения сказать, «спортсмены» устраивают дебоши на стадионах и в публичных местах. Что же тут спортивного?

- Это эмоции! - Но тут он замечает понурого Петровича, переминающегося с ноги на ногу возле входной двери. - Петрович, а ты чего, примерз?

- Так это... не нужен больше, Михал Михалыч?

- Нет, спасибо! Ступай домой, спасибо за службу! Машину можешь взять, но чтоб утром как штык был на работе, - добавляет главврач.

- Бу сделано! - радуется водитель и, не прощаясь, выбегает из кабинета.

– Ему надо было какие-то вещи перевезти. Вот, разрешил воспользоваться служебной машиной. А то получается, что сапожник без сапог, – комментирует Михал Михалыч.

– Святое дело.

Я только радуюсь, что извечный мужской разговор о спорте завял в зародыше.

Честно признаться, не понимаю я тех, кто в восторге от того, как 22 дурака гоняют один мячик на потеху миллионов. Ну, забил ты гол, другой, третий, десятый. И что с того? Через пару лет люди с трудом вспомнят о сем подвиге, а через десять и вовсе забудут. Мне этот массовый психоз никогда не был по душе.

Главный врач приглашает меня сесть в глубокое кожаное кресло рядом со столом, а сам жмет красную кнопку и просит невидимую секретаршу незамедлительно пригласить к нему в кабинет начмеда Гусева.

– Как вам у нас? Или еще не поняли? Кузьмич докладывал, что вы и искупаться в море успели. Не замерзли?

– Спасибо, водичка была что надо! Сбылась мечта идиота: искупаться во всех цветных морях. В Черном плавал, в Красном нырял, в Желтом тоже, а сегодня взял последний рубеж в виде вашего Белого моря. Больше, кажется, у нас на планете морей с цветным названием нет?

– Кажется, нет, – соглашается главврач. – На самом деле у нас очень редко купаются. Холодно. Я здесь второй год, но купаться в местном море пока не доводилось – погода не баловала.

– Получается, я вам с собой привез хорошую погоду.

– Получается, что так! – расцветает в новой шикарной улыбке Михал Михалыч.

– Вообще-то мне у вас нравится! Честно сказать, приятно удивлен, что везде такой идеальный порядок. Люди приветливые, – вспоминаю я охранницу на входе, – и весьма доброжелательные! – представляю перед собой суровую

секретаршу.

– Вызывали? – в дверь заглядывает крупный седой мужчина, в белоснежном халате, с дежурной улыбкой на бритом лице.

– А-а, Егор Кузьмич, проходи! Знакомься! Это тот самый хирург из Петербурга, про которого я тебе вчера рассказывал. Вот уже прибыл к нам... – Михал Михалыч чуть мнетя, подбирая нужную фразу, – в командировку! Рекомендую: Дмитрий Андреевич Правдин, месяц у нас поработает, присмотрится, а если понравится, переберется к нам насовсем.

– Вы и вправду к нам на постоянку? – не переставая улыбаться, спрашивает начмед сразу после традиционного рукопожатия.

– Я ничего пока не решил, – еще шире начмеда улыбаюсь я. – Позвольте хотя бы осмотреться, понять, чем вы тут дышите, какие у вас условия работы... и все такое. Сориентируюсь на месте, а дальше видно станет.

– Да, Кузьмич, что-то ты больно расторопен. Дай хоть человеку оглядеться! – поддерживает меня главврач.

– А чего тут думать?

– Вы считаете, я к вам из Питера не от хорошей жизни приехал? – Егор Кузьмич тем временем промокает лоб свежим, в крупную красную клетку носовым платком. – Обычно все врачи из периферии в центр стремятся попасть, а я наоборот. Настораживает, не правда ли?

– Да... – Заместитель осекается, увидев, как главный врач смотрит в его сторону. – Ничего не думаю! Так просто спросил!

– Так я вам сразу все объясню, чтоб не было потом никаких разногласий. Меня привели к вам обычные меркантильные интересы. Я – купец! У меня есть товар: мой опыт и мастерство хирурга, которое я готов продать подороже. В Питере зарплаты у врачей не ахти какие, а у вас, говорят, посолидней. Михал Михалыч готов купить мой товар, так как у вас с хорошими хирургами напряженка. Я прав?

Телефон прерывает неловкую паузу, и Михал Михалыч берет трубку:

– Да, слушаю! – После чего принимается многозначительно кивать и ритмично постукивать сильными пальцами по полированной крышке стола. – Хорошо, через десять минут буду у вас.

Главврач бережно вешает трубку и весело смотрит на нас:

– Вот, братцы, срочно вызывают к главе администрации. Давайте продолжим этот разговор завтра? Кстати, у мэра станут решать вопрос о привлечении в ЦРБ специалистов. Мэрия выделяет из своих фондов три квартиры – и для хирурга тоже, Дмитрий Андреевич! Если есть желание, то на днях можно съездить и бросить взгляд!

– Отчего ж не съездить, – я выражаю крайнюю заинтересованность. – Только сегодня-то где меня разместите?

– Все для вас уже приготовлено, коллега! – Егор Кузьмич гостеприимно разводит в стороны вспотевшие руки, как бы демонстрируя размеры моих будущих апартаментов. – Пока поживете в палате-люкс в кардиологическом отделении. Там и просторно, и светло, и вид на море и лес.

– Что значит «пока»? С этого места подробнее, пожалуйста!

– Я не так выразился! – опять запинается начмед.

– Он имел в виду, что пока вы в командировке, можете жить в палате-люкс, а если пожелаете переехать к нам для постоянной работы, то сразу переберетесь в благоустроенную квартиру, – выручает главный врач заместителя.

– Хорошо, Михал Михалыч, мне это подходит. Человек я неприхотливый и ко всякого рода лишениям готов.

– Помилуй бог! – всплескивает руками Егор Кузьмич. – Какие лишения? Там и холодильник имеется, и горячая вода проведена.

– Я не об этом. Я про тяготы и невзгоды трудовых буден врача-хирурга. Между прочим, готов приступить к своим прямым обязанностям хоть сейчас.

– Ну, вот и славно! – поднимается из-за стола Михал Михалыч. – Вы пока идите с Егором Кузьмичом, познакомьтесь с заведующей хирургическим отделением, а то меня уже мэр заждался. А завтра, если что, готов обсудить возникшие вопросы.

– Спасибо!

Я первым выхожу из кабинета, дожидаясь идущего следом Егора Кузьмича и осторожно спрашиваю:

– А что означают слова Михал Михалыча по поводу заведующей?

– А то и значит, – супится Кузьмич, – что самая настоящая заведующая! У нас хирургическим отделением руководит женщина.

– Да? А что же вы мне сразу не сказали?

– Я думал, вы в курсе! А это на что-то влияет? Вам не по нраву женщины-хирурги? – прищурившись, интересуется начмед.

– Нет, я бы выразился по-другому. Отношусь к ним с крайней настороженностью.

– Что вы этим хотите сказать?

– Как бы это по деликатней выразиться?

– Валяйте как есть, тут все свои.

– Профессия хирурга – это не просто ремесло. Это образ всей его врачебной жизни. Для того чтоб стать хорошим специалистом – нужно жить в отделении. Да, именно жить, не побоюсь этого слова. Все личные интересы надо отложить в сторону, а еще лучше – забыть их, хотя бы на время, и заниматься только одной хирургией. Я, к примеру, лет пять точно, а то и больше, прожил, в буквальном смысле, в отделении. Если ты не готов на такие жертвы, то не стоит и

помышлять об этом. А женщина – прежде всего мать, и ей приходится выбирать между семьей и хирургией. Дети часто болеют, требуют к себе особенного внимания и прочее.

– То есть вы считаете, что женщина-хирург не способна стать матерью? – Егор Кузьмич с интересом смотрит на меня и вежливо пропускает в кабину лифта.

– Я этого не говорил! Любая женщина теоретически может стать матерью. Но не всякая женщина станет хорошим хирургом, если она к тому же возжелает стать хорошей матерью. По крайней мере, в экстренной хирургии, когда основной поток больных приходится на ночное и празднично-выходное время. Ты или мать, или хирург, нельзя разорваться! Выбирая долю плохой матери, хороший хирург-женщина с годами черствеет, и это может сказаться на дальнейшей работе. Так зачем идти непременно в хирургию? Есть масса других врачебных специальностей, где женщина будет себя чувствовать очень даже комфортно.

– Есть же много женщин-хирургов! – с вызовом посмотрел на меня начмед, когда мы начали движение в лифте.

– Как правило, если они классные специалисты, то несчастны в личной жизни. А если счастливы в браке, то посредственны в работе. Большинство из них – матери-одиночки. Какому мужику, простите, понравится, что его супруги постоянно нет дома? А каково детям, которые маму чаще на фотографии видят, чем вживую?

– О, батенька, да вы философ! – шутливо грозит мне пальцем Егор Кузьмич. – Осторожней с этим при Зинаиде Карповне, нашей заведующей, а то до чего-нибудь договоритесь. Она мать-одиночка!

– Я только между нами – тут же, надо полагать, все свои?

– Разумеется, я не побегу докладывать Зинаиде о ваших мыслях, – грустно говорит начмед, – но, доложу вам, вы во многом правы. Если не во всем...

Лифт останавливается на отметке «хирурги», металлическая дверь широко и приветливо отворяется. Начмед пропускает меня вперед.

– Дмитрий Андреевич, вы, серьезно, к нам прибыли из меркантильных побуждений? Или так, пошутили?

– Егор Кузьмич, разве такими вещами шутят? Я перед вами кривляться не стану: денежный вопрос в моем приезде – один из основных. Не только же из любви к искусству я к вам прибыл, хотя и это тоже присутствует.

– Да-да-да, понимаю! – кивает Егор Кузьмич, выходя следом за мной. – Только вы... как бы это помягче сформулировать?.. Попрошу вас при Зинаиде Карповне про денежную сторону своего приезда к нам не распространяться, – начмед натянуто улыбается.

– А какое ей, собственно говоря, дело до моих финансовых вопросов?

– Понимаете, – Егор Кузьмич мнетя, – Зинаида Карповна женщина несколько импульсивная, взрывная. И, боюсь, вам не совсем понравится ее реакция...

– Егор Кузьмич, что за бред? Я, по-вашему, приехал отбирать у нее заработок?

– Представьте себе, да – вернее сказать, она так считает.

– Ничего себе! – ахаю я. – Что за глупости? Кажется, у вас со ставками проблем нет, есть проблемы с их заполнением. Я правильно понимаю?

– Абсолютно! На сегодняшний день у нас свободны восемь ставок. Но лучше в первый же день с денежных отношений не начинать.

– Егор Кузьмич, а не кажется ли вам, что вы перегибаете палку? Для таких вопросов существует главный врач и, смею напомнить, бухгалтерия. А ваша Зинаида Карповна – просто заведующая отделением, где мне предстоит работать.

– Я вас предупредил, – бесцветно отвечает начмед и останавливается у двери с надписью «заведующий хирургическим отделением», исполненной потускневшими золотыми буквами на аспидно-черном прямоугольнике.

– К вам можно? – постучавшись, он толкает дверь.

Через мгновение мы попадаем в небольшой пустой кабинет, в котором господствует натуральный бардак. Возле единственного давно не мытого окна прогибается под тяжестью нагроможденных сверху папок колченогий, облупленный письменный стол. На давно некрашеном узком подоконнике покоятся те же истории болезней, закрывая половину засиженного мухами окна. Вдоль правой стены – разошедшийся дерматиновый диван с ржавыми ножками, покрытый теми же историями болезней. Возле него стоит маленький журнальный столик, уставленный всевозможными сладостями: тут тебе и вазочка с дорогими разносортными конфетами и шоколадками, и какой-то полусохший ягодный пирог, и надрезанный торт в форме сердечка, и надкусанный ломтик хлеба, и миниатюрная тарелочка с нарезанной абы как колбасой... Кроме съедобных предметов, на столике как-то помещаются электрический чайник на полтора литра и штук пять невымытых чашек с блюдцами. Помимо всего прочего хозяйка кабинета умудрилась втиснуть между ними банку растворимого кофе и начатую пачку чая «Липтон» в пакетиках.

По левую сторону двери стоят два продавленных кресла, обитых выцветшей материей, и один новый металлический стул без покрытия. На стене – простая проволочная полочка, под завязку набитая медицинскими книгами, в том числе и довольно редкими. А правее полочки, ближе к письменному столу, в голубой пластмассовой рамке размещалось лаконичное, но емкое изречение: «Кто со мной не согласен – тот дурак», старательно выведенное красной тушью на ватмане.

Обстановку завершают советских времен платяной шкаф «под красное дерево» и стандартная фаянсовая раковина. Микроскопический кусочек розового мыла и жеваное полотенце в разводах свидетельствуют, что здесь иногда моют руки.

– Да уж! – только и смог я сказать, перешагнув порог кабинета. Похоже, предположение, что Зинаида Карповна – та еще штучка, подтверждается. Творческий беспорядок и убогая обстановка... дама давно махнула на себя рукой.

– Да вы не стесняйтесь! – легонько подталкивает меня в спину Егор Кузьмич. – У нее всегда так. Берется сразу за сто дел...

– И ни одного до конца не доводит, – продолжаю я его мысль.

– Ну, отчего же, – улыбается начмед, – насчет больных и операций она огонь-баба!

– Я вижу, – показываю в сторону кипы историй болезней, – вон читается слово «май». А на дворе уже август месяц. Как же вам страховые компании перечисляют деньги на зарплату, если истории до сих пор не сданы?

– Что есть, то есть! – кисло соглашается Кузьмич и выглядывает в коридор. – Куда-то она запропастилась? Вы присаживайтесь куда-нибудь, а я пойду, поищу.

– А Зинаида Карповна вообще в курсе, что я приеду?

– А как же? Еще вчера знала. Возможно, она на операции, сейчас все узнаю!

Глава 7

Зинаида Карповна Васильева, заведующая хирургическим отделением Карельской ЦРБ, – невысокая, но крепко сбитая женщина лет шестидесяти, с жидкими, окрашенными в светло-фиолетовый цвет короткими волосами и крупными, можно сказать, мужскими, руками с аккуратно подстриженными ногтями на толстых пальцах. Одевается она в несвежий белый халат, утыканный шариковыми ручками в нагрудных карманах, на манер горских газырей.

Когда я увидел ее в сопровождении вернувшегося начмеда, то едва не выронил из рук старинную, пахнущую плесенью «Хирургию» за 1924 год под редакцией профессора Боголюбова (взял полистать с проволочной полки). Очень уж неожиданный вид оказался у женщины.

– Что вас заставило прибиться к нашей тихой гавани? – интересуется она после официального представления. Голос у заведующей оказывается мягким и невысоким по тону.

– Вы сами ответили на свой вопрос: тишина и спокойствие.

– Ну, насчет спокойствия и тишины вопрос спорный. А пока, сделайте милость, расскажите о себе, – негромко просит Васильева, тяжело опускаясь напротив меня на скрипнувший диван. Начмед садится рядом со мной в соседнее свободное кресло и тут же принимается ерзать задом, протирая обшивку.

Докладываю о себе заученными со времени составления резюме фразами, не забывая при этом по-дружески улыбаться и смотреть в глаза собеседнице. Это занимает не больше пяти минут. Пока я говорю, Зинаида Карповна внимательнейшим образом меня слушает, стараясь ничего не упустить.

– Дмитрий Андреевич, не знаю, что вы там себе возомнили, но только знайте: своего кресла я вам никоим образом не уступлю! – неожиданно для всех произносит заведующая после моего доклада и грозно вперяется в меня свинцовым немигающим взглядом.

Мы с начмедом от неожиданности молча переглядываемся между собой, стараясь понять такую резкую перемену в ее настроении.

– Да! Не уступлю! И можете не переглядываться тут с товарищем Гусевым. Не поможет! – заведующая решительно шлепает себя по колену тяжелой ладонью.

– А при чем тут ваше кресло, уважаемая Зинаида Карповна, – я первым нарушаю молчание. – Я что, сказал, что претендую на место заведующего?

– Да, Зина, ты чего это на незнакомого человека сразу так набросилась? Лучше бы чаю предложила!

– А он что, сюда чаи приехал гонять? – справляется обо мне в третьем лице заведующая. – Или прибыл под меня копать?

– Зина, угомонись! Неприлично даже! – пытается урезонить агрессивно настроенную женщину Гусев. – Человек к нам издалека прибыл, из самого Санкт-Петербурга. А ты? Как ты себя ведешь?

– А я его сюда не звала, – заявляет глазами мадам Васильева и демонстративно пересаживается за свой рабочий стол, отодвинув в сторону накопившиеся истории болезни.

– Михал Михалыч его пригласил, к вам в помощь! – терпеливо объясняет Егор Кузьмич, пытаюсь сгладить витающее в воздухе раздражение. – Теперь ты можешь спокойно уйти в отпуск, хоть с завтрашнего дня!

– А вместо меня кто, этот деятель останется?

– Нет, он же не наш штатный сотрудник! Дмитрий Андреевич, получается, командированный доктор. Вместо тебя, думаю, Гриша временно побудет, а доктор Правдин простым ординатором поработает.

– Гриша? Он вам таких дел наворочает, ваш Гриша, что и за год после не разгребешь! Гриша! Ишь, чего удумали!

– Ничего страшного. Доктор Правдин опытный хирург, ты сама слышала его послужной список. Меня лично впечатлил! Я считаю, они без тебя вполне справятся.

– Слышала! Слышала! – вскакивает со стула заведующая, и хорошо заметно, как кровь прилила ей к лицу. – Только ничего у вас не выйдет! Вы меня поняли, доктор Правдин? Ваш заговор провалился! Я вам свое место не уступлю!

– Я пока на ваше место не претендовал, вроде? Чего вы сразу взъелись, что за ерунду насчет заговора несете?

– Пока не претендовал? Ну-ну! Я ни в какой отпуск не уйду! Я остаюсь! Можете даже не стараться! Вам ясно? – она отводит от меня железный взгляд и, словно раскаленным сверлом, проходится им по начмеду.

– Я-я-ясно, – заикаясь, отвечает Кузьмич.

– Ну, раз вам ясно, то прошу теперь всех покинуть помещение! У меня много работы! Не смею никого задерживать! Оревуар! – Васильева берет из кучи первую попавшуюся историю болезни, открывает ее наугад где-то посередине и принимается сосредоточенно изучать.

– Мне когда нужно выходить на работу-то? – безмятежно осведомляюсь я. – Готов хоть сегодня приступить к исполнению своих служебных обязанностей!

– Спасибо за заботу! Сегодня как раз я дежурю, а завтра к восьми ноль-ноль прошу быть в отделении. И попрошу без опозданий! Куда деваться, – она картинно разводит руками, – так и быть, выделю вам палаты, раз вы у нас теперь числитесь. Но только завтра! Посмотрим, что вы за доктор такой замечательный. Рассказывать-то про себя вы славно умеете!

– Как вам угодно, мадам, – миролюбиво отвечаю я, – до завтра! Спокойного вам дежурства!

Начмед остается в кабинете и тихо закрывает за мной дверь.

Пока в кабинете заведующей стоит откровенный ор, я не торопясь осматриваюсь в отделении. Длинный, практически стерильный коридор, выложенный серой плиткой под мрамор, гладкие светло-голубые стены, а в конце виднеется пост медсестры. Две женщины в одинаковых отглаженных халатах с тревогой смотрят в мою сторону из-за рабочего стола.

– Добрый вечер, – здороваюсь. – Дежурите?

– Да, – бойко отвечает та, что помоложе, – дежури́м. А вы – тот новый хирург, про которого все только и говорят?

Оказалось, что одну из женщин зовут Лена, и она – ночная санитарка, а та, что разговаривала со мной – Ирина Петровна, медсестра. Я не стал интересоваться отчеством шестидесятилетней Лены, раз ей так нравится, а сделал комплимент, сказав, что она не только великолепно выглядит, но и замечательно справляется со своими служебными обязанностями. В хирургическом отделении, исключая кабинет заведующей, царит идеальный порядок и невероятная чистота. Давненько я не наблюдал такую аккуратность в медицинском подразделении, да и живая ночная санитарка – редкость в мегаполисе.

Ругань в кабинете не умолкает, а я, продолжая разговор, выясняю, где можно будет погладить свои халат и робу к завтрашнему дню и где поужинать. Халат и робу мне, как оказывается, погладит утром сестра-хозяйка, а накормят меня сегодня через полчаса, как только принесут ужин в отделение.

Тут за дверью заведующей вдруг наступает гробовая тишина, и наружу, тяжело дыша, вываливается мокрый и раскрасневшийся Кузьмич. Он зло захлопывает за

собой дверь и, матюгнувшись одними губами, ищет меня взглядом.

– Ладно, девушки, до ужина! – благодарю я собеседниц и подхожу к начмеду. – Закончили беседовать? Куда теперь?

– Ох, ну и баба! – тяжело выдыхает Егор Кузьмич, ежесекундно промакивая вспотевшее лицо влажным носовым платком. – Вот сколько лет ее знаю, а в лучшую сторону так и не желает меняться. Везде ей одни враги мерещатся.

– Да не драматизируйте вы так, зачем понапрасну спорить? Плетью обуха не перешибешь! Хочет она того или нет, а я завтра выйду на работу и проработаю тут ровно столько, сколько написано в договоре.

– А что за договор? – настораживается начмед, перестав утирать липкий пот.

– Обычный: договор о месячной работе в вашем учреждении.

– То есть вы не собираетесь к нам переезжать насовсем?

– А вот теперь не уверен. Поначалу еще сомневался, а после встречи с прекрасной амазонкой, – я киваю в сторону кабинета, – просто обязан переехать к вам навсегда. Чтобы урезонить зарвавшуюся даму!

– Вы сейчас серьезно говорите или снова шутить изволите?

– А как вам будет угодно!

– Так вы и вправду рассчитываете на ее место?

– Милый Егор Кузьмич, – я выдавливаю жалкое подобие улыбки, – да на кой ляд мне ее место нужно? Ну сами-то посудите? У вас что, паранойя одновременно у всех приключилась? Приехал к вам, понимаешь, из добрых побуждений помочь поднять с колен периферийное здравоохранение, а тут здрасьте вам! Накормить не накормили, напоить тоже отказались, спать не уложили, а только одни укоры и угрозы! Как это все называется?

– Ой, – всплескивает руками Егор Кузьмич, – простите, ради Христа! С этой Зиной я совсем чокнулся! Нам надо сейчас спуститься на кардиологию, на третий этаж, там вам палату освободили и все приготовили.

Так называемый «люкс» оказался обычной двухместной больничной палатой, но после свежего косметического ремонта, с двумя потрепанными деревянными кроватями, цветным телевизором, холодильником, туалетом с умывальником и душевой кабиной. Кабина, похоже, самая дешевая, в ней нет даже крана, только душевой шланг. Возле окна пылится скрипучий компьютерный стол без компьютера и пара черных пластмассовых стульев, причем на спинке одного из них вырезано «Колян Б. – урод». Штор в палате нет вовсе, зато огромные пластиковые окна смотрят на приемный покой внизу и мрачноватую волнистую грядку леса до самого горизонта.

По тому, как быстро распростился со мной Егор Кузьмич, я предполагаю в комнате множество разного рода сюрпризов. Так оно и есть. Вместо обещанной горячей воды из обоих кранов в умывальнике и душе течет тонкой струйкой одна холодная водичка. Одна из кроватей провисает до самого пола. Ну и ладно, буду спать на другой.

Из всех телевизионных программ раритетного телевизора «Изумруд» толком работает только одна, прямо как в Китае – и то вначале приходится отремонтировать перерезанный неизвестным супостатом телевизионный кабель. Выключатель заводит в тупик: первая кнопка включает свет в туалете, вторая в душевой, а третья, сколько я ни давлю, ничего не включает. Подключения ламп ночного освещения так и осталось тайной. Что ж, вызову электрика – пускай глянет, что тут к чему.

В платяной нише, вмурованной в стену, нет ни полочек, ни вешалок, только голая, густо измазанная известкой стена. Туда и кидаю дорожную сумку. Более или менее приличным оказался лишь холодильник, да и тот изношен, мал и изрядно урчит, нарушая стоящую вокруг тишину.

Да, постельное белье хоть слегка жеваное и влажное, зато чистое и без крупных дыр. Мелкие дырочки по бокам – не в счет! Полотенце – с золотой надписью «Antalya». Видимо, кто-то из домовитых пациентов когда-то умыкнул его из турецкого отеля, а потом преподнес в дар любимому отделению: ниже сверкающей латиницы стоит квадратное тусклое клеймо: «кардиология».

Набравшись мужества, я принимаю ледяной душ, смывая морскую соль, и ложусь на почти сухую простыню. Очевидно, пора бы все тщательно взвесить и обдумать.

А подумать есть над чем. Своим желанием «мир посмотреть да себя показать» я, кажется, уже успел приобрести недругов. Естественно, я никак не ожидал от якобы интеллигентной тетеньки таких острых выпадов. Может, укатить обратно в Питер, и пускай они тут дальше в своем болоте сидят, как хотят, только, чур, без меня. Зачем понапрасну нервы расходовать?

Но разве стоило заваривать кашу, чтоб одна распоясавшаяся особа поставила крест на моих благих начинаниях? В конце концов, не она в этой больнице главный врач и не ей решать, кто и зачем сюда приезжает. Просто надо выбрать момент и без свидетелей поговорить с заведующей, мягко и полюбовно.

Успокоившись и придя в недурное расположение духа, я вдруг почувствовал, что зверски проголодался. В шесть вечера я поднимаюсь по лестнице в хирургическое отделение. Мимо проезжает блестящая металлическая тележка на резиновых колесиках с кастрюльками и огромным алюминиевым чайником. Пахнет свежеприготовленной пищей. Тележку толкает очень приятная женщина лет тридцати в отглаженной медицинской робе нежно-розового цвета и накрахмаленной форменной пилотке.

– Добрый вечер! – догоняю я раздатчицу. – Ужин привезли?

– Ой! – вздрагивает она. – Напугали! А вы и есть тот новый доктор? Здравствуйте!

– Да, новый хирург. Похож?

– Похожи! – задорно смеется моя новая знакомая, Валентина. – Девочки вас точно обрисовали!

– Какие девочки?

– Да наши, что сегодня дежурят на отделении! Они так подробно вас описали, что я сразу поняла, что это вы и есть!

– Хм! – Я понял, что речь идет о постовой медсестре и санитарке. – А заведующая про меня разве ничего не сказала?

– Нет, даже словом не обмолвилась!

– Ясно. Тогда чем кормить изволите усталого путника?

– А все что есть! Милости просим! Пойдемте за мной!

Честно говоря, я не чаял после всех передряг так славно угоститься. Тут тебе и картофельное пюре на молоке, и аппетитные мясные котлеты, и нежнейший, почти домашний омлет, и даже шикарный салат из свежих помидоров и огурцов.

– У вас так каждый день кормят? – удовлетворенно утирая губы бумажной салфеткой, спрашиваю я у счастливой Валентины.

– Каждый, – довольно кивает раздатчица. – А вам разве не понравилось? Мы, к сожалению, не сами готовим, а только раздаем. Но вообще, повара у нас неплохие, стараются приготовить как можно лучше, чтоб пациентам понравилось и пошло на пользу.

– Понравилось – не то слово! У вас просто замечательные повара. Лично я просто в восторге от их искусства. Если так ежедневно потчевать больных, то скоро вы останетесь без работы.

– Почему это?

– Валентина, вы просто прелесть! Потому, что все страдальцы от такой шикарной пищи и такого почти домашнего обслуживания в одночасье поправятся и ваше учреждение им станет не нужным.

– Спасибо! – слегка краснеет девушка. – На завтрак приходите к восьми часам, можно чуть пораньше.

– Не стоит беспокоиться, Валентина, завтрак я всегда пропускаю.

– У нас обычно очень вкусная каша по утрам: либо рисовая, либо манная, и все на натуральном молоке.

– Охотно верю, только как-то не привык завтракать. Но на обед обязательно приду.

Еще раз поблагодарив раздатчицу за хлеб-соль, я выхожу из-за стола, в намерении отыскать заведующую и потолковать с ней по душам. Но как назло, Зинаида Карповна как сквозь землю провалилась.

– Заведующую в приемный покой вызвали, там хирургического больного привезли! – сообщает мне медсестра Ирина Петровна. – Если она вам срочно нужна, то там поищите. Учтите, что в приемник можно попасть только на лифте.

– Как так?

– Так задумано, чтоб больные не разгуливали по больнице. Вниз и верх идет только лифт.

– А лестница? А вдруг пожар приключится?

– Лестница открыта только со второго этажа, а на первом она заперта на ключ. Если пожар или другое ЧП, в приемном покое ее должны открыть и начать эвакуацию.

– Забавно как! Ладно, бог с ней с заведующей, еще найду время пообщаться...

Спустившись к себе в комнату, вижу, что во дворе больницы особых перемен нет: ни машин «скорой помощи», ни толп больных и изувеченных, жаждущих помощи. Через открытые окна я слышу только неподвижную тишину да далекие крики чаек.

В это время года у Белого моря стоит полярный день. Солнце вскоре скатилось за кромку леса, синеющего у горизонта, и наступило что-то вроде сумерек, но ожидаемая мною темнота так и не накрыла Карельск. Я лежу на кровати и продолжаю читать, хотя часы уже показывают полночь: естественного освещения вполне достаточно, чтобы читать мелкий текст. Я как-то не привык

спать при свете, но, промучившись с полчаса, кое-как засыпаю.

Около трех часов ночи я неожиданно просыпаюсь от специфического хлопанья автомобильных дверей и каких-то истошных криков, доносящихся снаружи. Чей-то зычный голос требует, чтобы немедленно отворили двери приемного покоя.

«Началось! – мелькает у меня в голове. – Привезли крайне тяжелого пациента, и, возможно, понадобится моя помощь. Надо прояснить обстановку». Я стремглав бросаюсь к окну.

– Да идите вы все в жопу! Стю-ар-дес-са по имени Жа-анна! – раздается с улицы, там двое в полицейской форме за руки вытаскивают из служебной машины отчаянно сопротивляющегося человека. – Отстаньте все от меня! – вопит пьяный громила. – Вы завтра все будете уволены! Стюардес-са по имени Жа-анна!..

Тут из-за угла вырывается еще одна патрульная машина, из нее выскакивают трое полицейских, и уже впятером тащат упирающегося здоровяка к дверям приемного покоя. Вскоре фанат Преснякова-младшего скрывается со своими конвойными в подъезде, а я теряюсь в догадках: что бы все это значило?

Минут через тридцать снизу доносятся приглушенные голоса. Здоровяк понуро идет впереди, сзади выступают служители закона, лениво перебрасываясь между собой короткими фразами. Песен больше он не распевает, не вырывается и не пугает своими связями. Выпивоху сажают в полицейский уазик, который тотчас уезжает в неизвестном мне направлении. Вторая полицейская машина остается около больницы, а два патрульных молча курят рядом.

Раздосадованный, я падаю в койку и, накрывшись с головой одеялом, пытаюсь уснуть. В пять утра меня поднимает на ноги истеричный женский вопль, грубая брань, знакомое уже хлопанье дверей и приказ отворить двери в приемном покое.

– Козлы вонючие! – извивается между двумя полицейскими прилично одетая и даже, кажется, миловидная дама. – Вы!!! Завтра!!!

– Девушка, давайте не будем ругаться! Мы можем запросто привлечь вас за оскорбление при исполнении! – пытается утихомирить красотку молодой лейтенант.

– Да, ты знаешь, сопляк, кто я такая? – словно не слыша предупреждений, она оглашает окрестности отборным матом. – Я вот тебя сейчас! – И пытается выцарапать офицеру глаза наманикюренными ногтями.

– А вот это уже перебор! За это уже уголовная ответственность наступает! – И подбежавший сзади капитан полиции защелкивает на ее запястьях стальные браслеты.

– Ты чего, гад, творишь? – рычит закованная в наручники хабалка. – Немедленно снимите!

– Сейчас проведем ваше освидетельствование, отвезем к нам в отделение и решим, что дальше делать.

– Чего проведем? Какое осве...осведетете...тьфу! Освидетель... Чего вы там со мной хотите сделать?

– Провести освидетельствование на предмет вождения автомобиля в состоянии алкогольного опьянения. Вы пьяная ехали за рулем и спровоцировали ДТП...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/pravdin_dmitriy/hirurg-vozvraschaetsya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)